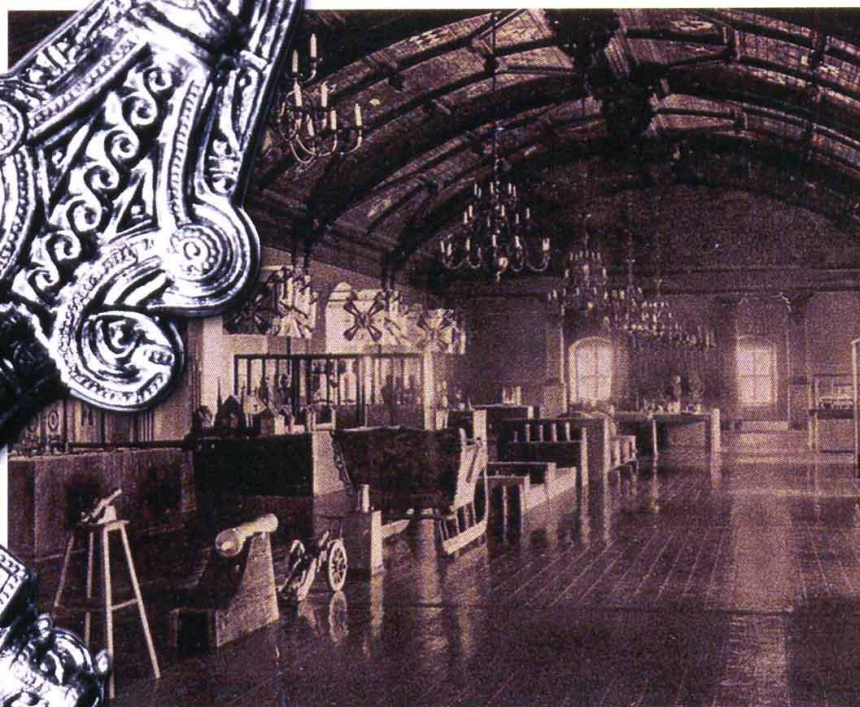
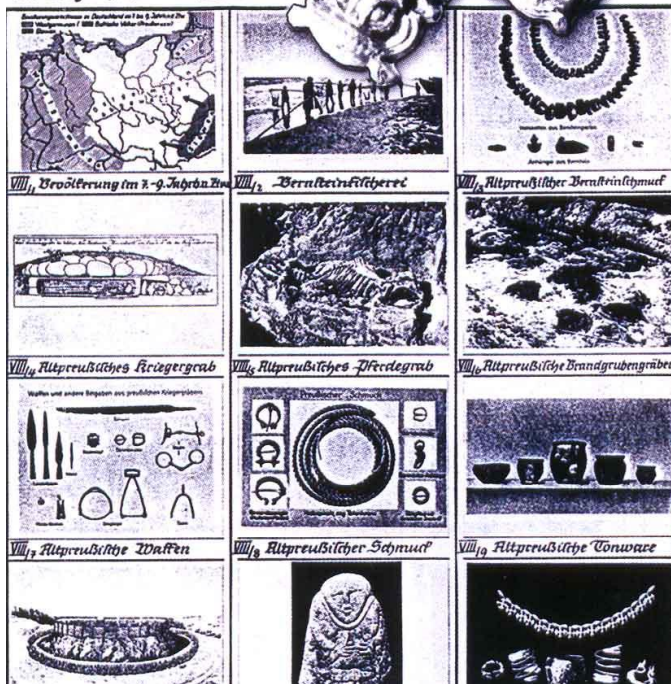

Кулаков В.И.

ach: Vorgeschichte Abt. VIII. Die Alt

История
Музея
«Пруссия»

Кулаков В. И.

История Музея «Пруссия»

**г. Калининград
2011**

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед исследователями древностей Балтии, является поиск музейных коллекций и архивов, исчезнувших в результате трагических событий конца Второй мировой войны. Особое место здесь занимают судьбы археологических коллекций музеев бывшей Восточной Пруссии, пополнявшихся материалами раскопок вплоть до конца 1943 г. Важнейшим из них является Музей «PRUSSIA» (далее – РМ), неразрывно связанный с одноимённым Обществом.

Основание Общества «PRUISSIA»

19 ноября 1844 г. в дни празднования 300-летнего юбилея Альбрехтс-Университета (г. Кёнигсберг) преподававший в нём живопись Профессор Эрнст Теодор Хаген (1797-1880 гг.) (**рис. 1**), собравшись в кафе "Националь" на Параденплатц вместе с архивным советником Фридрихом Адольфом Мекленбургом и шестью коллегами, основал Общество по изучению древностей «PRUSSIA». Так как с первых дней существования Общества «PRUSSIA» в него стали поступать от его членов всевозможные древности в виде подарков, правление Общества для размещения этих подарков предназначило комнату в Западном флигеле Замка Кёнигсберг. Ежемесячные заседания Общества «PRUSSIA» происходили в одном из помещений провинциального архива. На заседании, на котором произошло основание Общества, Э.Т. Хаген заявил о том, что это Общество «будет заниматься исследованием истории, собиранием народных песен и сказаний (Восточной) Пруссии, поиском и сохранением прусских древностей и произведений искусства различного рода» (Albinus U., 1973. S. 27.).

В 1869 г. Общество «PRUSSIA» в полном составе (25 членов Общества) интегрировалось в состав Физико-Экономического Общества (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 4), созданного в г. Mohrunen/Morąg (Warmińsko-Mazurskie woj. Polski) в 1790 г. (с 1798 г. – в г. Кёнигсберг – Nowakiewicz T., 2008, s. 19). Ранее, в 1845 г. Общество «Пруссия» унаследовало часть собрания археологических находок, ранее находившееся в ведении Физико-Экономического Общества. Традиция создания кабинетов для древних раритетов существует в Пруссии с XVIII в. В этих кабинетах концентрировались находки, сделанные при любительских раскопках местных памятников археологии (Anonim, 1783, 120-123). Так было положено начало одному из самых крупных собраний стран бассейна Балтийского моря. Физико-Экономическое Общество, начавшее археологические раскопки лишь в 1865 г., в 1876 г. обрело свой Восточнопрусский провинциальный музей

(Reich Chr., 2008, S. 69), в работе которого могли участвовать и члены Общества “PRUSSIA”.

Формирование основ Музея “PRUSSIA”

Через год после основания Общества “PRUSSIA” ему была передана коллекция раритетов, собранных членами Физико-Экономического Общества (г. Кёнигсберг). В 1874 г. в Кёнигсберге был учреждён доисторический отдел Общества “PRUSSIA”, созданный на базе (?) антропологического отдела Физико-Экономического Общества. Этим подразделением Общества (будущий Музей «PRUSSIA») после объединения музейных фондов руководил отец прусской археологии Отто Тишлер (**рис. 2**), ставший в 1865 г. членом Физико-Экономического Общества. Этого учёного, физика и математика по образованию, никогда не учившегося археологии, своим учителем считал известный немецкий археолог, уроженец г. Tilsit/Советск, отец поселенческой археологии Густав Коссинна (**рис. 3**) (Hoffmann M.J., 1991, s. 87), позднее также вошедший в состав Общества “PRUSSIA”. Тесный союз этого Общества и музея, первоначально располагавшегося в здании университетской библиотеки (Königstrasse 65/67 – Rzeszosrtarska-Nowakiewicz A., 2008, s. 33), успешно продолжался. В 1878-1939 гг. выходили сборники научных докладов этого Общества, именовавшиеся “Prussia-Berichte”. На их страницах важное место отводилось публикации и анализу артефактов из фондов Восточно-прусского провинциального музея.

В 1878 г. (1876 г. ?) на базе доисторического отдела Общества “PRUSSIA” и антропологического отдела Физико-Экономического Общества был сформирован Провинциальный музей, директором которого был назначен Отто Тишлер. На протяжении 15 полевых сезонов непрерывной экспедиционной деятельности он исследовал 36 памятников археологии на территории провинции Восточная Пруссия (Hoffmann M.J., 1991, s. 88, 89).

Во всех изданиях, посвящённых Музею “PRUSSIA”, есть упоминание о первом каталоге музея, увидевшем свет в 1879 г. (например – Ибсен Т., 2005, с. 20). Однако ни в одном издании нет ни выходных данных этой книги, ни тем более репродукции её титульного листа.

В 1880 г. был издан каталог восточнопрусских находок, представленных О. Тишлером на выставке, посвящённой Антропологическому конгрессу в Берлине (Tischler O., 1880, S. 390-452). Фактически это издание (**рис. 4**) стало первым каталогом Музея «PRUSSIA». Дело в том, что О. Тишлер только что провёл раскопки хрестоматийного для прусской археологии грунтового могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский район) и вчерне закончил составление своей хронологической схемы прусского археологического

материала по фазам А-Е. Впервые эта схема была им представлена именно в упомянутом каталоге (Tischler O., 1880, S. 401-403) и сопровождается обзором вариантов погребального обряда, существовавших на Самбии в эпоху римского влияния.

После завершения раскопок могильника Dollkeim/Коврово О. Тишлер в своём музее, расположенном в Замковой башне (?) Королевского дворца, устроил первый показ сделанных при раскопках находок. Этот показ 6 сентября 1879 г. почтил своим Высочайшим присутствием кронпринц Фридрих Вильгельм (рис. 5), через 7 лет ставший Кайзером Фридрихом III (1831-1888 гг.) и правивший 99 дней. Он с большим интересом осмотрел экспонаты, среди которых почётное место заняли находки, только что прошедшие первичную обработку и разложенные в рамках хронологической системы О. Тишлера. Будущему наследнику Имперского престола очень понравился порядок, царивший в музее и тот творческий настрой, которым характеризовалась работа его сотрудников. Следствием этого позитивного впечатления, полученного высокой особой, стала передача в сентябре 1881 г. в фонды Музея «PRUSSIA» (так музей стал называться неофициально) коллекции местных древностей, с 1811 г. хранившихся в Королевском архиве Кёнигсберга. Для размещения музейных коллекций были предоставлены 5 помещений в Северной флигеле Королевского дворца (Rzeszosrtarska-Nowakiewicz A., 2008, s. 33), в которых 30 сентября этого года и открылась новая экспозиция Музея «PRUSSIA». С этого времени и по сей в возрождённом в Германии Обществе «PRUSSIA» гордый абрис Королевского дворца занимает центральное место на логотипе этой общественной организации (рис. 6).

Музей «PRUSSIA» в Королевском дворце

С 1882 г. новые книжные поступления, адресованные Обществу по изучению древностей «PRUSSIA», стали собираться и каталогизироваться в РМ. В Музее в 1887 г. было выбрано библиотечное помещение, в котором нашлось место и для изданий, поступивших в Общество до 1882 г. Эту библиотеку осенью 1891 г. возглавил известный прусский археолог Эмиль Холлак (1860-1924 гг.), принятый в члены Общества «PRUSSIA» 22 мая 1891 г. (Hoffmann M.J., 2004/2005, s. 18) и известный своим системным подходом к изучаемому им материалу, причём не только археологическому, но и, как видим, библиографическому. Библиотека музея и Общества обладала на рубеже XIX-XX вв. ок. 5000 томами, включая редкие издания XVI и XVII веков. (Loos W., 1999, S. 5). Часть (основная ?) этого бесценного книжного собрания оставалась в Королевском дворце вплоть до роковой ночи с 29 на 30 августа 1944 гг., когда в пламени, вызванном зажигательными английскими бомбами, исчез исторический центр города Кёнигсберга.

Лишь при раскопках руин Замка Кёнигсберг нам удалось увидеть остатки этой библиотеки, часть которой располагалась к концу Второй Мировой войны на втором этаже в юго-восточной части Замка (**рис. 7**).

В конце XIX в. издаются три части «Каталога Музея «PRUSSIA» в Северном флигеле Королевского дворца в Кёнигсберге». Авторы этих изданий не указаны, можно лишь предполагать, что в их составлении принимали участие известные к тому времени члены Общества «PRUSSIA» И. Хейдек (1835-1910 гг.), талантливый художник и график (Hoffmann M.J., 1993, s. 144) (**рис. 8**) и языковед А. Беценбергер (1851-1922 гг.) (**рис. 9**), интересовавшийся древностями Нижнего Понеманья и курганами раннего железного века на Мазурах и на Самбии (Hoffmann M.J., 1992, s. 99). Первая часть каталога посвящена экспонатам эпох камня и бронзы, в частности – находкам из свайных построек этих эпох (Katalog, T. I, 1893). Вторая часть каталога содержит данные о «находках времени языческих могильников (от рождения Христа до введения христианства)» (Katalog, T. II, 1897). Наконец, третья часть посвящена предметам искусства и вооружения эпохи средневековья и Нового времени (Katalog, T. II, 1898). В 1903 г. число посетителей Музея «PRUSSIA», достигло 12503 персон, что в начале XX в. считалось рекордным для такого учреждения культуры (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 5).

В 1885 г. Музей «PRUSSIA» получил в здании Замка новые возможности для расширения своей территории. В его состав вошли библиотека, нумизматическое, портретное и сфрагистическое собрания, а также коллекция автографов. В 1905 (1906 ?) г. в Музей «PRUSSIA» были включены археологические фонды Восточнопрусского провинциального музея (Reich Chr., 2008, S. 70). В 1904 г. музей «PRUSSIA» переезжает в здание бывшей библиотеки на Königstrasse 65/67. Через год происходит окончательное слияние Провинциального Восточно-Прусского музея и Музея «PRUSSIA». В 1914 и 1915 гг. ввиду возможной опасности приближения фронта Музей «PRUSSIA» был закрыт для посетителей (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 5).

В 1923 г. происходит обратное переселение Музея в Королевский дворец, на этот раз в Южный его флигель (**рис. 10**). В июле 1924 г., после нескольких лет послевоенной разрухи (в 1920 г. даже отсутствовал уголь для отопления музейных помещений) последовало создание четырёх отделов в рамках музея. На первом этаже Южного флигеля Замка разместился доисторический отдел, этнографический отдел занял помещения на втором этаже юго-западной части замка, в «Зале Московитов» разместился «Зал славы знамён полков, участвовавших в битве при Танненберге» (**рис. 11**), в состав своих экспонатов включавший сани, на которых по льду Куршского залива 10 января 1679 г. проезжал Великий курфюрст (**рис. 12**). К этому отделу в 1924 г. было присоединено

собрание произведений искусства из Городского музея искусств. Особый отдел составило церковное искусство орденского времени (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 6, 7).

Выход Музея “PRUSSIA” из-под юрисдикции Общества “PRUSSIA”

Музейное собрание, именовавшееся “PRUSSIA-Museum”, с 1925 г. располагалось в основном в Южном флигеле Королевского дворца (орденский замок Кёнигсберг в центре одноимённой столицы имперской провинции Восточная Пруссия). Этот музей в тот тяжёлый и для всей Германии и для её восточной окраины Восточной Пруссии период был передан провинциальному правительству Обществом по изучению древностей “PRUSSIA”. Общество ввиду тяжёлых экономических причин (прежде всего – из-за галопирующей инфляции) больше не могло содержать входящий под его юрисдикцию Провинциальный Восточно-Прусский музей. Неофициально он уже многие годы назывался PRUSSIA-Museum. И вот под этим всем известным именем он вновь открылся 27 ноября 1925 г.

Ранее, после превращения провинции Восточная Пруссия в своеобразный «Имперский остров», в 1922 г. отрезанный по решению Версальского мирного конгресса от территории остальной Германии, Королевский дворец стал резко терять административное значение. Из его стен стали один за другим выезжать городские и провинциальные учреждения, получавшие более обширные офисы вне городского центра. На смену им в замок Кёнигсберг вселялись структуры, связанные с музейным делом и с искусством. В юго-восточной части замка с 1921 г. расположилось Городское собрание предметов искусства, в фонды которого включались произведения известного прусского художника Ловиса Коринта (1858-1925 гг.). Формирование этого крупного художественного собрания активно поддерживал тогдашний обер-бургомистр Кёнигсберга Ганс Ломейер.

В 1925 г. руководство и фонды прежнего Восточно-Прусского провинциального музея переместились из помещений на Королевской улице (Königstraße 65/67, ныне ул. Фрунзе) на второй этаж Южного флигеля Королевского дворца (Albinus U., 1988, S. 10). В июле 1924 г. была открыта новая музейная экспозиция (история и этнография), занимавшая фактически весь комплекс западной части каре, образованного замковыми постройками, а 27 ноября 1925 г. она составила основу вновь образованного музея, обретшего официальный статус «Провинциальный музей доистории» (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 8). Он включал в конечном итоге три отдела: краеведческий, этнографический и доисторический. Общество “PRUSSIA” ненадолго пережило вывод из-под своей юрисдикции крупнейшего музея провинции Восточная Пруссия. 10 декабря 1934 г. Общество прекратило своё самостоятельное существование и в рамках «приведения к

официальной идеологии» вошло в недавно образованный Имперский союз германской доистории на правах территориального отделения (?) под руководством др. В. Герте (**рис. 13**) (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 8). В 1937 г. члены Общества прекращают проведение археологических раскопок. Контроль над этими работами концентрируется в руках провинциального консерватора древностей др. В. Ла Бом (**рис. 14**) (см. ниже).

Сразу после передачи РМ восточнопрусскому провинциальному правительству директором музея был назначен доктор Вильгельм Герте (1890-1958 гг.), известный своими широкими интересами в прусской археологии. Особую известность этот археолог получил в результате публикации им в 1929 г. научно-популярного труда «Древности Восточной Пруссии» (Gaerte W., 1929), написанного практически полностью на основе анализа находок, хранившихся в Музее «PRUSSIA». В этой книге директор музея подвёл итог двухвековому процессу развития изучения прусских древностей и уделил внимание фактически каждой крупной находке, сделанной за это время на территории провинции. Богато иллюстрированная, эта книга по сей день остаётся настольной книгой каждого прусского археолога. Ещё одним важным, но малоизвестным печатным трудом последнего директора РМ является «Краткий путеводитель по Музею «PRUSSIA» (**рис. 15**). В нём автор суммарно характеризует свои музейные подразделения: 6 залов доисторического отдела (Gaerte W., 1935, S. 3-5), восточнопрусский зал славы («Зал Московитов») (Gaerte W., 1935, S. 5-7), 5 залов этнографического отдела (Gaerte W., 1935, S. 7-9), зал отдела народного искусства и поселенческий и пограничный отделы (Gaerte W., 1935, S. 8, 10, 11).

Археологические фонды в 1936 г. превращены в Земельное ведомство по доистории

Уже в период руководства музеем др. Вильгельма Герте летом 1936 г. доисторический отдел РМ был переведён в здание масонской ложи «К трём коронам», располагавшейся в здании усадебного типа на восточном берегу Нижнего (Замкового) пруда по адресу Hintertragheim 31 (ныне ул. Сергеева, 2). 1 июня 1938 г. указанный отдел музея был выведен из-под музейной юрисдикции, реформирован и превращён в «Земельное ведомство по доистории, Кёнигсберг» („Landesamt für Vorgeschichte in Königsberg (Pr.)“). Руководителем этого Ведомства стал археолог др. Вольфганг Ла Бом (1885-1971 гг.) (**рис. 14**), параллельно осуществлявший контроль и над деятельностью РМ в рамках своей должности государственного куратора краеведческих музеев и консерватора (в нашем понимании – генерального инспектора государственной охраны) памятников археологии (Kleemann O., 1956, S. 139). Уже к 1937 г. стало ясно, что для доисторического музейного отдела (точнее – для хранящихся вне музейных залов и хранений фондовых материалов,

Studiensammlung – **рис. 16**) в здании ложи «К трём коронам» очень мало места (Gaerte W., 1937, S. 71). С лета 1936 г. по весну 1937 г., используя перестроенные помещения (подвалы тоже ?) в здании бывшей масонской ложи, сюда из Замка переместили рабочие помещения для сотрудников доисторического отдела, мастерские, керамические коллекции и фондовые массивы. В 1937 г. в здание ложи была перевезена библиотека, ранее принадлежавшая Обществу по изучению древностей PRUSSIA. При этом экспозиции доисторического отдела были оставлены в старых залах в южном флигеле Королевского дворца. Среди них важное место занимали препарированные и частично реконструированные погребения эпохи римского влияния и викингов. Там же экспонировались останки девочки 12-14 лет, принесённой в жертву в раннем железном веке в процессе водного жертвоприношения в Drobnitz/ Drzwęsk. В письме, написанном в 1967 г., белорусский археолог Л.Д. Поболь, ссылаясь на данные, полученные через некоего Г. Книсса от консерватора прусских древностей И. Вильчека, сообщает о том, что «...останки погребения из торфяниковой стоянки в Дрвенцу... и другие вещи захоронены в форте Кведенау» (Овсянов А.П., 2010, с. 56). При обнаружении в декабре 1999 г. остатков экспозиции Prussia-Museum в форте № 3 (он ошибочно именован в письме «форт Кведенау», также, как и в Dröbnitz нет «торфяниковой стоянки») среди многих тысяч экспонатов мумифицированные останки из Dröbnitz обнаружены не были. Очевидно, они не пережили послевоенное время и были утилизированы за ненадобностью краснофлотцами военной части, дислоцировавшейся до 1999 г. в форте № 3.

В 2008 г. восточная часть руин здания масонской ложи «К трём коронам» была исследована отрядом (нач. Сиволапова А.Б.) Самбийской экспедиции Института археологии Российской академии наук под руководством А.Н. Хохлова. На площади 1600 кв. м археологами были обнаружены руины подвальных помещений здания усадебного типа, весьма редкого для старого Кёнигсберга. Вероятная дата постройки этого здания – начало XVIII в. В развалинах выхода из подвала в восточном направлении были найдены немногочисленные остатки археологических коллекций, включавшие обломки меча эпохи викингов из Mewe/Gniew, наконечники копий, бронзовые арбалетовидные фибулы V-VI вв., обломки сосудов различных исторических эпох (в том числе – с маркировочной надписью «Christburg», т.е. указано городище, раскапывавшееся в последние предвоенные месяцы). Как указанные находки, так и культурный слой, в котором они были найдены, содержали следы высокотемпературного горения. Так же были сильно обожжены мелкие деревянные планки (остатки упаковочных ящиков), содержащиеся в слое с находками. При участии автора этих строк данная находка была интерпретирована как часть фондовых материалов доисторического отдела Музея «PRUSSIA», оказавшаяся в земле в

результате обвала части стены первого этажа здания бывш. масонской ложи, произошедшего в момент страшного пожара, вызванного бомбардировкой исторического центра г. Кёнигсберга. Очевиден факт осуществления эвакуации материалов (фондовых и архивно-библиотечных, на последнее указывают находки остатков сожжённых книжных /?/ страниц в раскопе на Hintertragheim 31), прерванной обвалом сгоревшего под бомбами здания Земельного ведомства по доистории.

Однако под образовавшимися завалами стен здания на Hintertragheim 31 сохранилась лишь незначительная часть подготовленных для эвакуации материалов доисторического отдела РМ. В результате эвакуации 1943-1945 гг. археологические экспонаты крупнейшего музея Балтии оказались частью на территории современной Польши, отдельными фрагментами – в различных хранилищах Восточной Германии (в основном вокруг г. Деммин) (см. ниже). После 1990 г. распыленные по территории Германии экспонаты были сконцентрированы в Берлине. Кроме того, из Кенигсберга были эвакуированы части фондов окружных музеев. Так, находки и архивные материалы из краеведческого музея в замке Лохштедт оказались в музее "Самланд" (г. Пиннеберг), а материалы из музея Общества по изучению древностей Инстербурга (ныне - г. Черняховск) — в собрании Института до- и протоистории университета в Галле.

Западномазурские материалы из "калининградской части" коллекции музея "PRUSSIA" в значительной мере опубликованы (Кулаков В.И. 1990a, с. 64-71; 1990b, с. 149). В научный оборот введены западномазурские материалы, хранящиеся ныне в Музее до- и протоистории (Шарлоттенбург, Берлин). К сожалению, представление В. Новаковским в его монографии артефактов вне комплексов, нередко с излишне обобщенной датировкой, без данных о погребальном обряде и с иллюстрациями, представленными в довольно архаичной манере (без сечений, масштаба и нередко в ракурсах), не расширяет наших знаний о древностях западных балтов. Информация польского коллеги о современной историографии вопроса тоже далека от совершенства (Nowakowski W., 1998). Обнаружение в Риге рукописи Ф. Якобсона, посвященной результатам раскопок могильников Daumen/Tumiany и Kellaren/Kielary, публикация этих материалов даст возможность (Bitner-Wróblewska A., 1999, s. 206) углубиться в проблему изучения бесценных раритетов прусской археологии.

Последние выставки в Музее "PRUSSIA"

В годы II Мировой войны партийный руководитель Восточной Пруссии (по нацистской терминологии – «Gauleiter») Эрих Кох, занимавший свой пост в 1927-1945 гг., стремился показать стабильность всех форм общественной жизни в Кёнигсберге. Так опосредовано

подчёркивалась незыблемость побед Вермахта в столь близких к Кёнигсбергу русских землях. Ввиду этого властями поощрялась активная выставочная деятельность РМ. К сожалению, о выставке «Серебряные и золотые находки из восточно-прусской доистории» организованной ещё до прихода нацистов к власти, в 1929 г.) сохранились лишь отрывочные сведения. В ходе этой выставки в трёх витринах южного (?) флигеля экспонировались элитные украшения и клады римского времени и эпохи викингов, являвшиеся результатами интенсивной янтарной торговли, проводившейся местным населением. Летом и осенью 1937 г. в северной части Западного флигеля (в «Башне скорняка»?) проходила Викингская выставка. Её слоганом были слова: «Нордические волны народов – в стремнине времени». В небольшом зале полукруглой в плане формы экспонировались стенды с рисунками, планами и фотографиями новейших достижений скандинавской археологии. На витрине, озаглавленной «Кауп у Вискиаутен, могильник викингов», посетителям были представлены результаты новейших раскопок, проведённых немецкими и шведскими археологами на крупнейшем в исторической Пруссии памятнике археологии (окрестности современного г. Зеленоградска), оставленным викингами в IX-XI вв.

Последней выставкой археологических экспонатов, открытой в 1944 (?) году и пережившей августовскую бомбардировку, является специальная экспозиция (Sonderausstellung – выставка, предназначавшаяся для транспортировки и показа в различных музеях) «Лошадь в доистории Восточной Пруссии». Её курировал специалист по конскому снаряжению Балтии Вольфганг Ла Бом, руководитель Земельного ведомства доистории Восточной Пруссии. Эта выставка располагалась на 2-м этаже Южного флигеля Замка и, судя по письменному сообщению В. Ла Боме, была полностью уничтожена 30 августа 1944 г. в результате пожара, вызванного бомбёжкой (La Baume, 2009, S. 345).

Находка, сделанная при раскопках руин «Здания Унфрида» – плакетка из «бисквита» (рис. 17), изготовленная по эскизу профессора скульптуры Академии искусств Пруссии Ганса Висселя, свидетельствует о состоявшемся в 1937 г. здесь, в залах Городского собрания предметов искусства ежегодном съезде Художественного союза Пруссии (Кёнигсберга?). Кроме того, в руинах того же «здания Унфрида» в 2007 г. нами при раскопках было найдено большое количество обломков разнообразной, в том числе расписной и барбатинизированной (с мелкими глиняными налепами), керамики и фаянса (рис. 18, 19). Некоторые из этих фрагментов сохранили инвентарные номера. Очевидно, в данном случае перед нами – остатки ещё одной выставки, собранной в рамках темы «Керамика и фаянс XIV-XIX вв.» и погибшей при бомбовых ударах конца августа 1944 г.

Правда, согласно своей специфике, эта выставка могла принадлежать не Музею “PRUSSIA”, а Городскому собранию предметов искусства (см. выше).

В рамках упомянутой политической линии гауляйтер Эрих Кох поддержал идею открытия в 1942 г. на втором этаже Восточного флигеля Замка экспозиции Янтарной комнаты (Rzeszostarska-Nowakiewicz A., 2008, рис. 10b), украденной нацистами в Екатерининском дворце Царского села (тогда – г. Пушкин) в окрестностях Северной столицы России. Сам Замок носители новой идеологии также пытались использовать в её целях. Он был пышно расцвечен красными партийными знамёнами к пятому за историю Кёнигсберга посещению Гитлера. Правда, данных о посещении партийным руководителем и Райсхканцлером замка Кенигсберг в нашем распоряжении нет (Кулаков В.И., 2008, с. 61).

Музейные помещения в Замке Кёнигсберг

В 1935-1944 гг. подразделения музея распределялись в помещениях замка следующим образом:

Южный флигель. В круглой Вирцбургской башне (Wirzburger Turm), с востока почти примыкавшей к замковому донжону (Bergfried), располагался кабинет директора музея В. Гэрте. К западу от этой "директорской" башни располагалась обширная музейная библиотека, в которой наряду с литературой хранился, видимо, и рукописный фонд музейных описей. Далее на запад коридор вел к угловой замковой башне (Hinterster Ort-Thurm), где занимали свои рабочие кабинеты известные прусские археологи К. Энгель (1895-1947 гг.) и Г. Кроме (1864-1943 гг.) (рис. 20). К востоку от директорских апартаментов, на первом этаже южного замкового флигеля, располагалась экспозиция, входившая в доисторический отдел музея. Здесь между Вирцбургской башней и башней Грубера (Grubers Turm) в 1923 г. были созданы шесть музейных залов. Самый большой по своей площади зал №1 включал древности каменного века, в зале №2 экспонировались находки эпохи бронзы, в залах №3 и №4 были выставлены соответственно материалы I—II и III—IV вв. н.э., зал №5 был предназначен для экспонатов V-VIII вв. н.э., включая материалы западномазурских могильников Daumen/Tumiany, Kellaren/Kielary (бывш. Kreis Allenstein), среди которых видное место занимали урны с отверстиями. Здесь же располагался раздел "позднеязыческих" древностей IX-XIII вв., где всеобщее внимание привлекали находки из курганов Кауп (Kaup bei Wiskiauten, бывш. Kreis Samland, ныне – г. Зеленоградск и пос. Моховое Зеленоградского р-на Калининградской обл.), всемирно известного памятника эпохи викингов. Наконец, в зале №6 были выставлены артефакты XIV и XV вв., свидетельствовавшие о сохранении языческих пережитков у пруссов в орденскую эпоху (Gaerte W., 1935, S. 3-5). Кроме того, в южном флигеле находилась

столярная мастерская, в которой трудились мастера Хазе и Хузе. Здесь также вел реставрационные работы Й. Вильчек, являвшийся одновременно шофером музейного легкового автомобиля. Осмотр доисторической экспозиции шел с запада на восток, от Вирибургской башни к башне Грубера и за нее. Вход экскурсантов в данную часть экспозиции осуществлялся из замкового двора через портал в юго-западном углу замка (именно там стояла перед началом войны каменная фигура Mankesteen – **рис. 21** (Albinus U., 1988, S. 10), выход вел в замковый двор через калитку, именовавшуюся "Дверца напротив города" (Turlein gegen die Stadt).

Западный флигель. Далее на север от угловой башни размещались служебные помещения научно-технических работников. На втором этаже, в просторном зале, разделенном перегородками на пять неравных по площади отсеков (Boetticher A., 1897, Abb. 25), работали художник и реставратор Фриц Йенш, его сын Курт, занимавшийся картографией, уроженец Берлина археолог Й. Хоффманн, изучавший погребальные древности куршей и ламатов, а также некий господин Гервин, житель города Кранц (Cranz/Зеленоградск). Этот музейный работник изготавливал наглядные пособия для школ, представлявшие собой гипсовые копии реальных экспонатов, для правдоподобия покрашенные анилиновыми красками. Деятельности подобного рода в предвоенной Германии музейные работники придавали большое (если не основополагающее) значение (Anonim, 1931, S. 132). С приходом к власти НСДАП эта форма музейной работы стала одной из составляющих общегосударственной программы Gleichschaltung ("Приведение к господствующей идеологии"), ставившей целью «регерманизацию» немцев. К этой программе 10 декабря 1934 г. присоединилось Общество по изучению древностей "PRUSSIA", с которым исторически был связан одноименный музей (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 8). Упомянутые выше пособия (Anschauungskasten) представляли собой деревянные ящики, в которых помещали в среднем по 12 копий находок одной категории, происходящих из различных памятников с разной датировкой. Древности среднего и позднего железного века были здесь представлены копиями бронзовых фибул, пряжек, браслетов и гривен (Jansch K., 1987, S. 14). Далее четвертый этаж занимал вместительный (дл. 83 м) "Зал Московитов" (Moskowitersaal), где экспонировались материалы по военной истории Восточной Пруссии. Некоторые из них – монета кайзера Фридриха III (**рис. 22**), детали воинских амуниции и вооружения (**рис. 23-25**) – были найдены нами в 2003 г. при раскопках подвалов Западного флигеля Замка Кёнигсберг. Ниже, на первом этаже, располагался этнографический отдел экспозиции (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 6). В северной части западного флигеля находились билетная касса и центральный вход в музей, ведущий с замкового двора (**рис. 26**). Как и все части Замка Кёнигсберг, этот вход

основательно пострадал от бомбардировки ночи 29-30 августа 1944 г. (**рис. 27**). По обеим сторонам от входа стояли (во всяком случае – в предвоенное время) каменные скульптуры: раннесредневековое ятвяжское изваяние Mankesteen и мраморный торс Афродиты. При раскопках юго-восточного угла руин Замка Кёнигсберг в 2007 г. нами был найден фрагмент мраморного женского торса (**рис. 28**), являющийся, не исключено, остатком упомянутой скульптуры, перемещённым в процессе разрушения замковых сооружений в 1958-1968 гг. С 1994 г. Mankesteen украшает центральную часть археологической экспозиции Калининградского Областного историко-художественного музея. К северу от центрального входа в музей в помещениях башни, возвышавшейся в западной части здания "Фирмари", располагались временные выставки. В частности, здесь в 1937 г. была открыта выставка, посвященная археологии эпохи викингов (Kleemann O., 1937, S. 354-357).

Северный флигель включал экспозицию погребальных урн от эпохи неолита до середины I тыс. н.э., хранившихся в многочисленных шкафах, стоявших в зале над историческим винным рестораном, располагавшемся в подвале Blutgericht (**рис. 29**). Как вспоминала эстонский археолог М.Х. Шмидехельм, посещавшая Кёнигсберг в 1940 г., эти урны были единственным разрядом археологических находок, находившихся в экспозиции музея "Пруссия" без сопровождающих вещевых комплексов. Информация об этой части музейной экспозиции, как, впрочем, и об отделах "Народные ремесла" и "Населения и приграничной политики", крайне скупа.

Нет никаких сомнений в том, что основной поток посетителей направлялся в музейные залы, расположенные в Западном и Южном замковых флигелях.

О методах и месте хранения фондов музея "Пруссия" (Studiensammlungen) информация минимальна. Известно лишь, что материал в фондах этого музея хранился на стеллажах, причем находки по комплексам прикреплялись проволокой к фанерным и/или картонным щитам (Brilla G., Brilla R., 1997, Abb. 4) светло-зелёного цвета (**рис. 30**). Можно предположить, что в соответствии с общеевропейской практикой в том же порядке артефакты выставлялись в открытой экспозиции. Таким образом, факт принадлежности части хранящихся ныне в Музее до- и протоистории (Берлин) артефактов к фондам музея "Пруссия", таким же образом прикреплённых к картону, не вызывает сомнений. На это в ряде случаев прямо указывает музейный шифр, указанный на бумажной или картонной бирке, при помощи проволоки прикреплённой ещё в предвоенное время к отреставрированной и помещённой в музейное хранение археологической находке. С другой стороны, ряд уникальных находок (например, оружие из могильника Кауп) явно происходит из экспозиции упомянутого музея. Находки "древностей бронзового века",

сделанные в 1945 г. А.Я. Брюсовым в руинах Замка, показывают, что эвакуация затронула далеко не все экспонировавшиеся артефакты. Во всяком случае, значительная часть экспонатов из залов №1 и №2 осталась в горящем Кёнигсберге. Их вывозу помешали катастрофические обстоятельства военного времени. Это подтверждается многочисленными находками экспонатов из этих залов, сделанными как «геолого-археологами» (рис. 31), так и сотрудниками Балтийской экспедиции ИА РАН под руководством автора этих строк. Эвакуация находок из расположенных восточнее зала №2 помещений 3-6 показывает направление эвакуационных работ через бывший выход из музея. Транспортные средства могли ожидать груз лишь в замковом дворе, ибо ведущая на юг, к замковому "променаду" калитка "Дверца напротив города", над которой возвышалась безымянная башня-эркер, была недоступна для проведения такелажных работ ввиду завалов, образованных английскими бомбами.

Археологическая экспозиция в Королевском дворце в 1944 и 1945 гг.

Как считал В. Ла Бом, доисторическая экспозиция РМ пережила без особых потерь пожар 30 августа 1944 г., вызванный в Замке англо-американскими бомбовыми ударами. Были сожжены лишь две витрины с находками эпохи неолита и инвентарь некоего конского захоронения эпохи римского влияния. Сохранность экспозиции была настолько поразительна, что руководство ведомства по доистории приняло решение открыть эту экспозицию для осмотра весной 1945 г. ввиду удалённости боевых действий от Кёнигсберга. При этом примечательно отсутствие информации о какой-либо деятельности руководства Музея "PRUSSIA", связанной с экспозиционной работой. В марте 1945 г. ввиду военной необходимости В. Ла Бом был вынужден переместить экспонаты из залов №5 (эпоха переселения народов и «позднелазычское время») и №6 (эпоха викингов) в иные помещения Замка (La Baume W., 2009, S. 344, 345). Согласно приказу гауляйтера Эриха Коха «Об укреплении крепости Кёнигсберг» (март 1945 г.), все окна первого этажа и некоторые двери помещений Замка (включая Южный флигель с музейными залами) под непосредственным контролем др. В. Ла Бома были заложены кирпичом. Так Замок готовили к обороне от наступательных действий Красной Армии. Таким образом, часть экспонатов была фактически замурована в залах и пережила там штурм Кёнигсберга частями Красной Армии (Кулаков В.И., 2008, с. 99, 100)..

Как мы знаем из сообщения В. Ла Бома, часть находок избежала эвакуации и осталась в Южном флигеле Королевского замка, занимавшемся залами РМ. Там некоторые из этих предметов были обнаружены летом 1945 г. проф. А.Я. Брюсовым. Среди них к археологической части музейных коллекций относились, согласно описи А.Я. Брюсова,

бронзовые "сосудик, ...фибула, ...булавки, ...височные кольца, ...шейное украшение, ...витая гривна, ...витой браслет" (Овсянов А.П., 1998, с. 389). Данные предметы, как и прочие многочисленные находки произведений декоративного искусства XV-XVIII вв., обнаруженные А.Я. Брюсовым в июне-июле 1945 г. в руинах музея "PRUSSIA" и упакованные в 20 ящиков, должны были быть отправлены в Москву. Складывается впечатление, что этот план не был осуществлен, во всяком случае он был осуществлен не до конца. В Москве документированных следов этой "коллекции А.Я. Брюсова" обнаружить не удалось. Не нашлись и находки из 60 ящиков, упакованные для того, чтобы, оставив их на месте, создать на их основе впоследствии фонды местного краеведческого музея (Овсянов А.П., 2010, с. 9).

Археологические коллекции, попавшие в Альбертс-Университет из музеев Кенигсберга, а также СССР и Польши, были найдены Т.А. Беляевой летом 1945 г. в руинах Кенигсберга (Овсянов А.П., 1998, с. 69).

В фондах местного краеведческого музея (ныне Калининградский историко-художественный музей, далее – КОИХМ)¹ автор этих строк еще в 1975 г. видел экспонаты из экспозиции РМ, по своей номенклатуре напоминавшие цитированную выше опись. Все эти находки, представляющие собой как детали вооружения орденского времени, так и предметы экзотического (в том числе – японского) воинского снаряжения (в том числе – из «Зала Московитов» - Валуев А.А., 2005, с. 29), в 1950 г. закупленные у тогдашнего главного архитектора г. Калининграда Максимова А.В. (Овсянов А.П., 2010, с. 55) и у некоего Неймарка Б.Ф. (более 90 единиц хранения), нашедших их в руинах южного (?) и западного замковых флигелей, по сей день хранятся и частично экспонируются в КОИХМ. В послевоенном Калининграде они были оставлены в составе иных старых музейных коллекций. Объем данного материала, по меркам героического 1945 г., исчислялся 35 ящиками, тогда как в Москву из поверженного Кенигсберга А.Я. Брюсов отправил свыше 400 ящиков с музейными экспонатами, а также "24 мешка ценностей" (Овсянов А.П., 1994, с. 2). Основным содержимым этих весьма экзотических для музейного дела упаковок были экспонаты художественных собраний из музеев Восточной Пруссии и прочих музейных хранилищ. В своих дневниковых записях Александр Яковлевич уточняет, что в Москву он направил в числе прочего "древности бронзового века", включавшие керамику и каменные орудия (Орлов А., Стороженко Е., 1991, с. 33). В хранящейся в фондах КОИХМ "коллекции Максимова-Неймарка" керамики эпохи бронзы нет.

¹ Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность сотрудникам этого музея за возможность работать с материалами Музея "PRUSSIA", хранящимися в их фондах.

Находка В.Н. Строкиным остатков экспозиции Музея "PRUSSIA" в 1967 г.

Под завалами, образовавшимися у Южного флигеля Замка в результате бомбардировки 30 августа 1944 г., осенью 1967 г. в руинах Королевского замка были сделаны замечательные находки. Тогда развалины этого некогда величественного сооружения (рис. 32) стали своеобразным "клондайком" для некоторых калининградцев, не оставивших в стороне в эпоху «франного Брежнева» послевоенное «трофейное создание». Замковые руины, в соответствии с принятым 6-8 сентября 1965 г. решением местных партийных и советских органов власти, через 2 года должны были исчезнуть с лица земли. Благодаря этому необдуманному, если не сказать более жестко, решению самовольные "раскопки" на территории замка не пресекались. В числе "копателей" был и местный краевед Виктор Николаевич Строкин, работавший в те годы в Калининградском краеведческом музее. "Работая" по заданию музея (?) в 1967 г. в южной части замковых руин, он обнаружил кипы старых рукописей и значительное количество предметов из серебра, бронзы и стекла, связь которых с коллекциями бывшего музея "PRUSSIA" с самого начала не вызывала сомнения (Сухова С, 1993; Валуев А.А., 1993). По мнению А.А. Валуева, эти уникальные находки В.Н. Строкин сделал в руинах зала №1 (Валуев А.И., 2008, с. 103). Свою "работу" В.Н. Строкин продолжал практически до 1969 г. - начала окончательного уничтожения замковых руин. Из найденного В.Н. Строкиным материала 167 предметов поступили в фонды краеведческого музея.

В сентябре 1975 г. в фондах краеведческого музея, располагавшегося в здании бывшей школы имени короля Оттокара II (Ottokar-Schule, прежний городской район Ballieth, ныне ул. Горького, 113), автор этих строк выбирал место для складирования материала, добытого в результате разведок, проведенных в Калининградской обл. Балтийским отрядом ИА АН СССР. При этом в шести лотках в цокольном помещении, занятом фондами, мною были обнаружены упомянутые выше находки. Они сопровождалась немногочисленными обгорелыми остатками деревянных филенок, двумя круглыми бронзовыми накладками от «каталожных» ящиков с горельефным изображением женской головки, двумя бронзовыми ажурными накладками на плоскости двустворчатой двери, изображавшими державшую венок в поднятой руке богиню Нику (Jugendstil).

Сохранность сильно обожженных мебельных накладок была крайне неудовлетворительной. Довольно неожиданным было присутствие среди массы остальных находок трех костей фаланг человеческих пальцев, отрывков двух манжет коричневых рубашек с алюминиевой запонкой, алюминиевой же солдатской поясной бляхи с гербом Третьего Рейха и с надписью "Gott mit uns". Рядом с лотками, заполненными вышеперечисленными находками, находились две объемистые стопки записей, которым прямо грозила участь

быть сданными в макулатуру в надежде получения желанного в те легендарные годы тома "Королева Марго". Найденная рукопись насчитывала более 500 (их подсчет затруднителен ввиду чрезвычайно плохой сохранности бумаги и фрагментарности ее листов) в стандарте А4. Большая часть листов была сброшюрована в 8 томов, снабженных картонными обложками. Листы имели типографские графы в соответствии с нормами музейных описей. Нумерация листов отсутствовала, порядок их расположения в сброшюрованном виде можно было установить по особенностям неровных границ листов и по порядковой цифровой индексации, которая в ряде случаев сопровождала (в том случае, если была различима) имевшиеся в рукописи рисунки, исполненные тушью. К сожалению, рукописные записи, сделанные на этих листах черными чернилами, крайне плохо сохранились. Судя по следам на листах, они достаточно долго находились в агрессивной кислотно-щелочной среде, скорее всего, в непосредственной близости от продуктов разложения органических масс. В левой части каждого листа присутствовали от двух до восьми рисунков археологических находок, выполненных в масштабах 1 : 1, 1 : 2 и реже 1 : 6 (керамические сосуды крупных размеров). Даже поверхностного взгляда было достаточно для того, чтобы определить принадлежность представленных на листах артефактов к коллекциям бывшего музея "Пруссия". Стало ясно, что в фондах Калининградского краеведческого музея в 1975 г. были обнаружены остатки описей центрального музейного хранилища Восточной Пруссии. Уже тогда можно было предполагать связь между этими частями описей и находившимися в лотках артефактами. Правда, все они, в отличие от архивного материала, носили следы воздействия огня. К одной бронзовой фибуле группы AV, 94 прикипел сгусток стекла с куском доски, являвшиеся несомненными остатками музейной витрины.

В результате расчистки и реставрации находок выяснилось, что указанные предметы происходят частично с полуострова Самбия, частично – с западной части Мазурского Поозерья. Находки из этого региона, в частности, были представлены роскошными пальчатыми фибулами, добытыми в 1894 г. Иоганном Хейдеком при раскопках грунтового могильника Daumen/Tumiany. Впоследствии эта "мазурская" часть отреставрированных находок из бывшего музея "Пруссия" была экспонирована в замке Лидзбарк Варминьский (воев. Варминьско-Мазурское Польши, бывш. Neilsberg) на выставке, открывшейся 3 июля 1989 г. Она длилась несколько недель, что позволило польским специалистам по западнобалтским древностям ознакомиться со считавшимися утраченными находками из фондов бывшего музея "PRUSSIA".

В 1976 г. путем опроса сотрудников Калининградского краеведческого музея, а также благодаря документации, фиксировавшей поступления в фонды музея, удалось уста-

новить, что находки, о которых идет речь, поступили сюда от В.Н. Строкина. По акту приемки № 47 от 25.11.1967 г. (инв. № 5007/1-148) он передал музею находки, обнаруженные им в руинах бывшего музея "Пруссия". Кроме того, в музейное хранение им было передано 10 наконечников копий и каменное изваяние Mankesteen (диалектн. "Каменный человек", Мазурско-Варминьское воеводство Польши, бывш. Jelittken/Jelitki (La Baume W., 1927, Taf. V, 2). При этом пока остается неясным, от него ли или же от других "искателей" (Максимов А.В., Неймарк Б.Ф. и др.) в краеведческий музей поступили несколько десятков римских, арабских и западноевропейских монет, обнаруженных в послевоенном Калининграде и находящихся поныне в фондах КОИХМ. Выяснилось, что не только (скорее – не столько) В.Н. Строкин вел "раскопки" в руинах музея "Пруссия". Как стало известно недавно, этим занимался местный "искатель" И.Т. Кедрик. Мемуарист А.С. Пржездомский вспоминает о том, что "...он подарил мне и моему другу Виктору на память несколько "кенигсбергских сувениров", найденных им за долгий период его изыскательской работы, – старинные монеты, медные, покрытые грязно-голубоватым налетом пряжки и фибулы..." (Пржездомский А.С., 1997, с. 104). Здесь описана характерная "благородная" патина со специфическим бирюзовым оттенком, которая присутствовала и на части вещей, найденных В.Н. Строкиным. Возможно, "кенигсбергские сувениры" для юных Андрея (впоследствии – генерал КГБ) и Виктора И.Т. Кедрик добыл в том же месте (и в то же время?), что и предприимчивый музейный сотрудник. Хочется верить, что эти раритеты не пропали для европейской науки навсегда.

Специфика описанного выше набора предметов, поступивших от В.Н. Строкина в краеведческий музей (фрагмент музейных описей + несколько десятков экспонатов + стеклянные и деревянные обломки в совокупности с бронзовыми деталями мебели + костный антропологический материал с фрагментами одежды и воинского снаряжения), а также данные о последних годах музейной деятельности позволяют реконструировать условия "сокрытия" данных находок среди руин замка.

Согласно непроверенному сообщению В.Ф. Ращепы, невольного участника эвакуации фондов музея "Пруссия", эта акция проходила в конце лета 1944 г. (Пржездомский А.С., 1997, с. 50), на следующий день после чудовищной по своей разрушительной силе бомбардировки, которой английские военно-воздушные силы подвергли исторический центр Кенигсберга в ночь с 29 на 30 августа (Гаузе Фр., 1994, с. 254).

Как говорят, в ходе этой операции впервые за историю войн был применен напалм. В результате замок, как и остальные строения центральной части прусской столицы, серьезно пострадал. Видимо, этот авианалет стимулировал экстренную эвакуацию фондов

музея "PRUSSIA". Основная часть этой акции впоследствии, в январе-феврале 1945 г., увенчалась успехом.

Связь находок, сделанных В.Н. Строкиным и И.Т. Кедриком, с экспозицией Южного флигеля достаточно проблематична. По своей номенклатуре (среди находок только фибулы составляют 66 ед.) они близки к системе подбора артефактов для создания учебных мобильных экспозиций, хранившихся в небольших ящиках (Anschauungskasten). Правда, там находились сделанные музейным сотрудником Гервином гипсовые копии, а материал находок Строкина/Кедрика – серебро и бронза. Эти вещи являлись или аутентичными прототипами для изготовления гипсовых копий, или (что менее вероятно) копиями, сделанными из металла. Кстати, следы гипса, обнаруженные в процессе реставрации 1976/1977 гг. на многих артефактах В.Н. Строкина, подтверждают гипотезу о копировании этих находок до 1944 г. Единственным исключением здесь является серебряная с золочением фибула из погр. 37 могильника Daumen/Tumiany (рис. 33). Теоретически ее место – в экспозиции зала №5.

Дополнительным аргументом к идентификации "калининградской" части коллекции музея "Пруссия" является находка вместе с фибулами, пряжками и т. п. части музейных описей, явно не имеющих никакого отношения к экспозиции. Как уже отмечалось выше, эти манускрипты хранились, скорее всего, в помещении, соседствовавшем с юго-западной замковой башней (Hinterster Ort-Thurm), в непосредственной близости от места складирования передвижной учебной экспозиции. Ввиду этого совместная эвакуационная транспортировка этой части музейных коллекций и описей инвентаря по памятникам вполне логична. Самым близким путем для этой ручной транспортировки из юго-западного угла замка был выход через небольшую дверь, которая вела из донжона (Bergfried) в замковый двор. То, что часть груза ("калининградская часть" коллекции), осталась в руинах замка под мощным кирпичным завалом, свидетельствует о трагических обстоятельствах, внезапно помешавших ходу эвакуации. Обнаруженные В.Н. Строкиным и И.Т. Кедрик экспонаты и часть музейных описей были погребены вместе с караульным солдатом вермахта под кирпичным сводом первого этажа башни донжона. Целостность этого свода была нарушена бомбардировками. Солдат, часть останков которого обнаружил В.Н. Строкин и машинально (или для массовости?) передал в краеведческий музей, находился на третьем этаже южного флигеля, у выхода из коридора, ведущего из юго-западной башни в башню-донжон. Судя по размеру дверного проема (Lahrs Fr., 1956, Abb. 41, IV), здесь находились двустворчатые двери. Бронзовые парные накладки в виде богини Ники, украшавшие двустворчатую дверь, ведущую в этот коридор, были обнаружены В.Н. Строкиным вместе с иными находками.

Охранявшиеся солдатом находки находились в тех самых застекленных ящиках, в которые их упаковал музейный сотрудник Гервин. Вполне естественно, что груз, скопившийся в ожидании дальнейшей транспортировки по винтовой лестнице вниз на своде второго этажа башни-донжона, был весьма тяжел. Потревоженная бомбардировкой кирпичная кладка свода не выдержала. Ведь не следует забывать, что вместе с ними у входа в башню-донжон лежали еще ящики из секретеров начала XIX в., содержавшие музейные описи. Как уже упоминалось выше, В.Н. Строкин нашел накладки от двух таких ящиков. Примечательно, что такие же ящики с аналогичными накладками по сей день используются в Музее до- и протоистории в замке Шарлоттенбург (Берлин). Остается непонятным, каким образом бумага описей не пострадала от огня. Напомним, что многие металлические артефакты несли следы высокотемпературного воздействия. Возможно, "противопожарные" функции герметика для бумаги сыграл кирпичный завал и/или близлежащий массив органики (труп погибшего рядом с экспонатами и архивалиями Музея "PRUSSIA" бойца). Воистину "рукописи не горят".

Обвал сводчатого потолка в башне-донжоне, накрывший часть музейных коллекций и унесший жизнь одного из участников эвакуации, конечно, не мог остаться незамеченным. Однако времени на разборку массивного кирпичного завала явно не было. Последняя фаза эвакуации наименее ценной части коллекций музея "PRUSSIA" пришлось, видимо, на последние месяцы перед штурмом и проводилась в спешке. Учитывая отчетное письмо др. В. Ла Бома, написанное им в марте 1945 г., эти работы были осуществлены, скорее всего, до 20 февраля 1945 г. Участник подобных работ В.Ф. Ращепя вспоминает, что они велись "по пояс в горячей воде среди дыма и гари", причем "ящики <...> были разной длины и ширины. Они были не особо тяжелые, потому что мы вдвоем могли подать их с машины" (Пржездомский А.С., 1997, с. 50, 51). Традиционно считается, что эти воспоминания относятся к вывозу пресловутой Янтарной комнаты. Возможно, такая трактовка цели эвакуации из замка имеет право на существование, но нет аргументов и против того, что вместе с янтарем должны были вывозить также археологические коллекции.

Калининградская часть описей музея "PRUSSIA"

Работая в Калининграде в раскопном сезоне 1976 г., я выяснил, что листы описей забрал "на обработку" недавно поступивший на работу в краеведческий музей молодой выпускник истфака Ленинградского Государственного Университета Виктор Сергеевич Суворов. Правда, незнание немецкого языка и отсутствие элементарных знаний реставрационного дела не оставляли В.С. Суворову надежды хоть что-то понять в старых музейных описях. Стремясь вернуть в научный оборот эти архивалии, автор этих строк

обратился к тогдашнему директору музея Л.Г. Зайчиковой с предложением их разборки и атрибуции. Музейное руководство заинтересовалось этой проблемой, и на этот запрос был получен положительный ответ. В любом случае, инициатором спасения остатков музейных описей был автор этих строк, а не музейное руководство, как в этом пытается убедить своих читателей А. Битнер-Врублевска (Bitner-Wróblewska A., 2008, s. 56). В.С. Суворов передал мне листы описей, хранившиеся в занимаемой им комнате в общежитии. Также на реставрацию мне были переданы находки, хранившиеся в упоминавшихся выше лотках. В 1977-1979 гг. консервация и реставрация этих металлических находок была выполнена в реставрационной лаборатории Института археологии АН СССР лаборантами А.В. Григорьевым, А.Г. Атавиным и В.Е. Нахапетян.

Параллельно реставрации находок, сделанных В.Н. Строкиным, мною была проведена разборка и дешифровка листов описей. Выяснилось, что в значительной мере они, как и часть находок, связаны с западно-мазурскими древностями. Правда, наиболее комплектная и читаемая часть описей посвящена материалу могильника Zohpen/Суворово (Гвардейский р-н Калининградской обл.). С привлечением архивных материалов по этому могильнику, обнаруженных в библиотеке Археологического музея в Познани и обработанных при любезном содействии директора этой библиотеки госпожи А. Лосиньской², материалы Суворово достаточно полно опубликованы (Кулаков В.И., 1990а, с. 64-71; 1990б, с. 3-19). Явно некомплектные части архивалий были посвящены материалу могильников Laptau/Муромское и Ekritten/Ветрово (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), возможно – бывш. Grebieten. Более половины объема обнаруженных описей содержал материал западномазурских могильников – Lelesken/Leleszki, Alt-Kossewen/Kosewo, Mingfen/Miętkie, Daumen/Tumiany, расположенных на территории Варминьско-Мазурского воеводства Польши. Примечательно, что лучшая часть археологических реалий, украшающая ныне экспозицию КОИХМ (Коваль С.А. и др., 1996, с. 14, 15) и в 1975 г. обнаруженная в лотках в цокольном этаже музейного здания, происходила из этого же региона.

Судьба восьми некомплектных томов описей РМ была не столь счастливой, как судьба сопутствовавших им археологических экспонатов. Не обладая ни административными, ни финансовыми возможностями, мне удалось лишь в основном, отделив эти страницы друг от друга в пределах томов, способствовать остановке процесса их химического разрушения и осуществить копирование представленных в описи рисунков, а также произвести дешифровку надписей, выявленных в них.

² Выражаю Госпоже А. Лосиньской свою глубокую признательность за её содействие и согласие на публикацию материалов могильника Суворово.

Спасение в 1976 г. от превращения в макулатуру и идентификация остатков описей фондов (*Studiensammlung*) Музея «Пруссия» явилась первым опытом оценки и возвращения современникам архивного наследия, оставленного нам старой прусской археологической школой, предпринятой в Европе в послевоенное время. Примечателен факт единственного упоминания этого важного для прусской археологии факта в современной польской археологической литературе (Nowakowski W., 2004, p. 89, 90).

Плохо сохранившийся архивный материал, содержащий данные о комплексах III-XI вв., найденный В.Н. Строкиным в руинах Замка Кёнигсберг, был разобран, первично обработан и частично опубликован автором этих строк (Кулаков, 1990а. с. 148-273; он же, 1990б). Правда, ныне некоторые варшавские археологи именуют эту публикацию «весьма неудовлетворительной» (Bitner-Wróblewska A. et alii, 2008, 136). Тем не менее примечателен факт широкого использования на протяжении трёх десятилетий польскими коллегами этого материала как в его рукописном виде (защита А. Ковальским диссертации на этом материале), так и в опубликованном. Поэтому вызвали удивление слова Яцека Милера, директора департамента культурного наследия Министерства культуры и национального наследия Польши: «В 2006 г., после получения информации об обнаружении в Калининградском историко-художественном музее археологических инвентарных книг бывшего музея «Пруссия», Министерство культуры и национального наследия Польши приняло решение об их спасении и капитальной реставрации» (Битнер-Врублевска, ред., 2008. с. 6). «Средства на реставрацию книг были выделены Департаментом польского национального наследия за рубежом Министерства культуры Республики Польша» (Валуев А.А., 2008, с. 109) в значительной сумме. Более того, находчик и первый исследователь этих архивалий не только не был приглашён к работе над ними (это уже за пределами норм научной этики), но и практически на каждой странице этого издания подвергался резкой и незаслуженной критике. А. Битнер-Врублевска и другие варшавские коллеги, работавшие над этим изданием, забыли, в каких сложных технических условиях, без лаборантского персонала и оборудования, без всякого финансирования и административной поддержки проходили в 1976-1985 гг. спасение и первичная обработка этих материалов, а также подготовка их к публикации в условиях начала разрушительной «перестройки».

Однако следует отметить и положительный результат деятельности польских археологов и реставраторов: пусть и с нарушениями договорных условий (в частности, отреставрированные части описей были представлены в качестве календаря на 2009 г., что выходит за рамки научно-реставрационной работы), но архивалии были реставрированы.

Правда, ввиду отсутствия дешифровки записей в них возможности практического использования этих описей ограничены.

Раскопки руин Замка Кёнигсберг и обнаружение следов экспозиции музея

“PRUSSIA”

С зимы 1967 по весну 1970 гг. по решению партийных властей г. Калининграда руины Замка Кёнигсберг были стёрты с лица земли. В 1993 г. по инициативе мэрии г. Калининграда Балтийская экспедиция Института археологии РАН при участии Калининградского областного историко-художественного музея начала раскопки руин Королевского дворца, скрытых современными субструкциями, перекрытыми брусчаткой Центральной площади г. Калининграда.

С 1993 г. раскопками удалось полностью выявить фундамент западного флигеля, самого крупного в Замке и обозначить очертания ряда прочих сооружений. Раскопками вскрыта площадь более 2000 кв. м. С 2001 г. археологические исследования осуществляются при поддержке немецкого журнала «Der Spiegel». Его главная редакция под руководством Господина Штефана Ауста (**рис. 34**) выступила с благородной инициативой вернуть европейской науке возможность изучать историю несправедливо забытого замка Кёнигсберг.

В ходе археологических работ вскрыты подвалы замка, местами достигающие глубины более 6 м от современного уровня поверхности Центральной площади. Тщательная фиксация в раскопах остатков замковых сооружений ведётся не только в целях научного изучения руин на современном методологическом уровне, но и с надеждой упростить работу при возможном воссоздании комплекса строений Замка.

Есть основания предполагать сохранность остатков древнейшего укрепления с деревянными фортификационными конструкциями – прусского городища с условным названием «Конунгаберг». Как показало вскрытие шурфов на Замковом дворе, древнее дерево (в основном – лиственница), оставленное здесь после демонтажа Дома Конвента, неплохо сохраняется в местном илистом грунте (Кулаков В.И., 2008, с. 112).

К сожалению, многолетний процесс уничтожения Замка Кёнигсберг и разрушительная деятельность «геолого-археологов», проводивших свои «работы» при помощи тяжёлой землеройной техники и без какой-либо научной методики (**рис. 35**), не послужили должной сохранности фундаментов средневековых строений Замка и тем более – сохранности находок в его культурном слое. Строго говоря, он практически полностью был переотложен землеройными машинами в «эпоху Брежнева». Эти «работы» велись уже после уничтожения стен Замка Кёнигсберг и перед засыпкой остатков фундаментов

его строений балластным грунтом мощностью до 2 м. При сокрытии остатков фундаментов использовался, в частности, грунт с близлежащего кладбища около Альтштадской кирхи. На это указывает немалое число старых человеческих костей, которые обнаруживались при раскопках в верхнем уровне напластований балластного грунта.

Тем не менее, учитывая глубокий непрофессионализм взрывников (несмотря на их усилия, часть стены «здания Унфрида», как показали раскопки 2007 г., сохранилась на высоту ок. 2,5 м) и сотрудников геолого-археологической экспедиции, не замечавших при переотложении культурного слоя находки, значительное количество материала всё же содержалось даже в переотложенном и, наверное, осмотренном культурном слое.

В полевом сезоне 2001 г., в пределах Раскопа V (юго-западная часть руин Замка) после снятия «на шт. 5 этих кирпично-известковых остатков стали чётко видны валуны башенного фундамента и фундамента южной стены (её валуны скреплены глиняным раствором) зала музейной экспозиции, сооружённой в конце 16 в.» (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2001, № ...). Таким образом, в 2001 г. нами были обнаружены остатки фундаментов сооружений на стыке замковой башни и зала №1 музейной экспозиции в предполагаемом районе находки В.Н. Строкина (см. выше).

«На шт. 8 в юго-восточном секторе раскопа обозначилась треугольная в разрезе прослойка горелого грунта с обожжёнными мелкими валунами у северного фаса фундамента стены экспозиционного зала. Появление данной прослойки интерпретируется вполне прозаически: рухнувшие после катастрофической для исторического центра Кёнигсберга английской бомбардировки 26-29 августа 1944 г. обгорелые перекрытия пола залов №№1-6 рухнули в подвал. После выемки этого завала в ходе работ “ГАЭ” (Геолого-археологическая экспедиция) – В. К.) при помощи экскаваторов образовался своеобразный пандус из упомянутых недобранных поисковиками горелых строительных остатков, зафиксированный лишь в юго-восточном секторе раскопа. Видимо, здесь выемка грунта в 1970 г. (или несколько ранее) производилась особенно невнимательно и часть заполнения подвала осталась на месте. Разумеется, при такой весьма неряшливой методике ожидать каких-либо серьёзных результатов от деятельности “ГАЭ” было невозможно. Как свидетельствует Отчёт по объекту “Бывший Королевский Замок”, представленный “ГАЭ” в 1982 г. (лексика отчёта сохранена), “в ходе работ в южном крыле замка вскрыты подвалы /раскопы № 7-10, 23/, которые оказались пустыми, и только в подвале № 10 обнаружены археологические предметы: монеты, фибулы, привески, костяные изделия, каменные зернотёрки и т.д. ... В 1972 г. для поисков подвалов 2 яруса и установления величины подземного хода, на месте раскопа 5 (восточная часть Р. V) в юго-

западной части южного крыла замка пробурено 5 скважин на глубину 20 м. Ни хода, ни подвалов второго яруса не обнаружено” (архив А.П. Овсянова). Можно лишь догадываться о том, что упомянутые находки (или хотя бы их часть) поступили в Калининградский краеведческий музей (ныне Калининградский областной историко-художественный музей).

Заполнение подвала, деревянные конструкции пола которого не сохранились *in situ* даже во фрагментах, было перекрыто несколькими мощными валунами разрушенной замковой стены, сброшенными сюда в 1970 г. После выемки этих камней открылся один слой переотложенных валунов – остатки фундамента южной замковой стены конца XVI в. *Wirzburger Turm*, уничтоженного, судя по плану 1963 г., ещё в эпоху Н.С. Хрущёва... По мнению Фридриха Ларса, дату сооружения Замковой Башни, к юго-востоку от которой стояла *Wirzburger Turm*, определяла надпись на водружённом на неё большом сигнальном колоколе, содержащая дату 1387 г. (Lahrs Fr., 1956, S. 66). Общая глубина подвала от современной дневной поверхности достигла 3 м, его нижняя плоскость представляла собой субструктурированный в XVI в. материковый суглинок. Остаётся неясным, был ли это исторический пол подвала или же его кирпичная (?) вымостка была без остатка выбрана в Новое или Новейшее время. Скорее всего справедлива вторая версия, ибо в восточной части “пола” подвала в профиле видна ступенька, образованная в результате деятельности экскаватора “ГАЭ”... Остатков деревянных конструкций полов башен и музейных залов или хотя бы обломков керамической плитки, эвентуально их покрывавшей, в раскопе V не обнаружено. Очевидно, всё это было уничтожено “ГАЭ” при снятии техникой не только стен, но и верхней части фундаментов, открытых в раскопе V минимум одного ряда валунов, на которых возвышались кирпичные стены. Предположение о том, что раскоп V разбит на месте зала №1 экспозиции Prussia-Museum, было подтверждено находками. К сожалению, число экспонатов, которые так и не были эвакуированы в январе 1945 г. (Валуев А.А., Скворцов К.Н., Кулаков В.И., 2000, с. 100, 102) и остались незамеченными поисковиками “ГАЭ”, невелико. Среди них – бронзовый орнаментированный овальным в плане пуансоном несомкнутый браслет № 3 (**рис. 36**), обнаруженный на шт. 2 в кв. 10, как раз в том месте, где у торцевой стены зала №1 должны были размещаться экспозиционные витрины. Разумеется, предполагать аутентичность места находки этого неоднократно переотложенного обгоревшего артефакта не приходится. По внешнему виду данный браслет предварительно можно отнести к эпохе поздней бронзы (этапы IV-V). В заполнении подвала, из которого фонды музея (*Studiensammlung*) были эвакуированы в 1943 г. (Валуев А.А., Скворцов К.Н., Кулаков В.И., 2000, с. 99 – ныне точка зрения выглядит ошибочной), на шт. 8 в кв. 5 найдена бронзовая пронизка с продольным

несомкнутым швом (№ 18), типологически близкая подвескам эпохи поздней бронзы или раннего железного века (Gaerte W., 1929, Abb. 60, b). Наконец, особый интерес вызывает сделанная на шт. 6 в кв. 11 (невдалеке от места находки браслета № 3) находка обломка Г-образно согнутого бронзового стержня прямоугольного сечения № 57. На внешней стороне сгиба этого стержня чётко видно клеймо в виде вырезного геральдического щита (тип, характерный для германской геральдики XVI в., в Восточной Пруссии актуальный до конца XIX в.), на котором представлен знак собственности в виде двух перекрещенных рун *syl*. Стилизация этого знака под известный своей политической направленностью в Германии знак свастики предполагает создание этого клейма в соответствии с его типологическими особенностями не в 1933-1945 гг., а в эпоху распространения в Восточной Пруссии <...> национально ориентированных идей арманистики – на рубеже XIX-XX вв. Правда, при этом не исключается и более раннее (вплоть до эпохи Возрождения) возникновение этой интересной формы клейма. В любом случае, это клеймо было нанесено на бронзовый стержень явно не в доисторическое время. Правда, это не снимает вопроса о принадлежности данного артефакта к экспозиции Prussia-Museum. Как известно, значительное число его экспонатов (правда, преимущественно из благородных металлов) проходило в эпоху II Империи пробирное клеймение» (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2001, № 22229). Представленные выше свидетельства о находке в 2001 г. остатков экспозиционного материала из залов Музея “PRUSSIA” были весьма кратко упомянуты в одной из статей участником этих раскопок (Валуев А.А., 2008, с. 107).

В полевом сезоне 2003 г. в приемке, обнаруженном у подъёмного пандуса в северной части подвала Западного флигеля (Раскоп X), нами в переотложенном слое были обнаружены: «две каски, алюминиевые ложки и два штыка в ножнах, фрагмент сапёрной топора-мотыги, обломок кларнета, офицерский ремень французского производства (но по нормативам униформы Вермахта), зелёная пластиковая польская папка (производство – г. Гдыня), в которой находился бинокль, патронташи, деталь железной лицевой маски от самурайского шлема XVIII-XIX вв. – экспонат этнографической экспозиции Музея «Пруссия» на 1-м этаже Западного флигеля, пистолеты с наградными надписями, разбитая прикладом советского солдата, но собирающаяся алюминиевая, с чёрно-красной росписью (в русском переводе «Высшее государственное строительное управление») табличка, относящаяся к одному из прусских государственных учреждений, располагавшемуся в Западном флигеле (с ним мог сотрудничать архитектор Фр. Ларс), декоративный бронзовый щит, обгоревший обрывок газеты. Очевидно, предметы вооружения и снаряжения вместе с хранившимися в ящике (?) экспонатами были сброшены сюда перед

самой сдачей солдат в плен 9 апреля 1945 г. с косвенной или даже прямой целью скрыть приямок (сама лифтовая шахта могла быть уже засыпана грунтом заранее) хотя бы на первые часы или даже дни после сдачи Королевского Замка. Оказалось так, что эти предметы пролежали в земле полвека, скрытые строительными обломками, перекрывшими их в результате случайного (запланированного?) взрыва находящейся восточнее лестницы с пандусом» «На всём протяжении Раскопа X, как правило, в придонной части заполнения, найдены предметы быта и неопределимые по принадлежности находки: <...> необработанный кусок янтаря с частично сохранившейся естественной окалиной, бронзовая мебельная накладка, бронзовый медальон со следами клея на плоской тыльной стороне с профильным портретом известного кёнигсбергского археолога, этнографа и языковеда Адальберта Беценбергера (**рис. 37**). Из военно-исторической экспозиции Зала Московитов (4-й этаж Западного флигеля), очевидно, происходят неопределённые билоновые монеты, русская серебряная монета «20 копеек» чекана 1913 г., обломок однолезвийного клинка XVI в., средневековый черешковый наконечник стрелы (болт?), гнутый (в процессе разрушения Западного флигеля) наконечник копья эпохи викингов, фрагмент железной гарды шпаги XVI в., железный вток с частью древка алебарды (?). К упомянутой экспозиции относятся обломок декоративного чугунного бронзированного округлого щита XVI в. с рельефными батальными сценами и арматурой на своей выпуклой лицевой поверхности, обломок бронзовой гарды офицерской шпаги эпохи Вильгельма II (**рис. 23**), медная накладка на гренадерскую шапку Фридриха II Великого, медное навершие этой (такой же?) гренадерской шапки (**рис. 24**), накладки на лафеты трофейных французских орудий 1916 и 1918 гг. изготовления, фрагмент керамической крышки сосуда (этнографическая коллекция 1-го этажа флигеля?)» (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2003). В южной части подвала Западного флигеля (Раскоп XI) в полевом сезоне 2004 г. были обнаружены также находки, связанные с не вывезенной из Замка частью экспозиции Музея “PRUSSIA”: «К военно-исторической экспозиции Moskowiter-Saal может относиться редкая серебряная монета достоинством 5 марок, чеканенная в 6 месяцев правления императора Фридриха III (1888 г.), носящая следы горения в пожаре августа 1944 г. (**рис. 25**) и найденная на нижних кирпичных ступенях проёма 3 (свалилась с верхнего этажа из выбрасывавшихся пожарниками в августе 1944 г. горящих стеллажей и витрин?), аналогично попавшие в подвал глиняная гротескная статуэтка Императора Франции Наполеона III и замок капсульного ружья, дровотый браслет и бронзовый наконечник рыцарского (?) пояса. Два последних артефакта предварительно датируются XIV в.» (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2004). Различные детали арматур (среди них – чугунный фрагмент декоративного трофея

– **рис. 38**), найденные в подвале Западного флигеля в 2003 г., связаны с декоративным убранством «Зала Московитов», демонтированном и сброшенным вниз в послевоенное время.

Эвакуация археологических находок музея “PRUSSIA” в 1943-1945 гг.

Основная часть археологических находок была вывезена из Королевского замка и из Земельного ведомства по доистории до 9 апреля 1945 г., времени победоносного штурма города-крепости Кенигсберг подразделениями 3-го Белорусского фронта.

Часть коллекций музея "Пруссия" была обнаружена бойцами Красной Армии позднее на территории бывшего округа Алленштайн (Allenstein, ныне Варминьско-Мазурское воеводство Польши). Среди этих находок – коллекция урн типа IV-V вв. н.э., переданная красноармейцами в Музей Вармии и Мазур, расположенный в замке г. Ольштына. Данный керамический материал (Kaczyński M. et al., 1987, S. 92, № 195, 197), а также сопровождавшие его бронзовые находки добыты раскопками конца XIX в. на могильниках II-V вв. н.э. Самбии и Надравии. Эти артефакты, очевидно, соответствуют первой партии эвакуированной из-за опасности бомбёжек основной части фондов РМ. Указанные материалы были отправлены, судя по письменному свидетельству В. Ла Бома, в 1943 г. из Кёнигсберга в Rastenburg/Carlshof (Kętrzyn/Karolewo, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski) (La Baume W., 2009, S. 344), где и были частично разграблены, как считается, солдатами (Bitner-Wróblewska A., 2008, s. 49, 50). По совету В. Ла Бома, польский археолог Ежи Антонец отправил этих находки в 1959-1960 гг. в музей Вармии и Мазур в г. Ольштын (ehem. Allenstein) (Ибсен Т., 2005, с. 26).

Как свидетельствует директор ведомства по доистории др. В. Ла Бом в своём письменном отчёте марта 1945 г., обнаруженном в 1999 г. при разборке документов архива РМ в Музее и до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург (Берлин) (Адлунг Ф., 2003, с. 59), в декабре 1944 г. на территорию нынешней Восточной Германии был отправлен вагон I с находками, курировавшийся Фр. Еншем и Маттикатом, в конечном итоге оказавшийся в замке Брок. Вагон II был вывезен из Кёнигсберга в январе 1945 г. (кураторы – др. В. Ла Бом и Фр. Енш). Этот транспорт поступил в замок Брок в сильно повреждённом виде. Кроме археологических находок, в упомянутом замке оказался архив музейных описей, раскопочные планы, собрание негативов и проч. Обнаруженные при раскопках руин здания бывшей масонской ложи на Hintertragheim, 31 находки являются частью фондов музея, подготовленных к транспортировке в вагон I (декабрь 1944 г.) или II (январь 1945 г.), но так и не попавших по адресу ввиду обрушения стены здания, ставшего последствием очередной бомбардировки исторического центра Кёнигсберга.

Попутно следует отметить связанный с этим факт дальнейшей непригодности здания бывшей масонской ложи для складирования музейных фондов.

Впервые эта информация была обнародована в 1994 г. в докладе Г. Нельса, часть музейных фондов (*die Studiensammlung*) была из Кенигсберга в 1943 г. эвакуирована в г. Деммин, откуда позднее попала в Берлин, где ныне и хранится в Музее до- и протоистории (замок Шарлоттенбург) (Brilla G., Brilla R., 1997, S. 9). В 1949 г. директор Музея до- и протоистории Вильгельм Унферцагт перевёз эти находки и архивалии из окрестностей г. Деммин в Восточный Берлин и передал в распоряжение Академии наук ГДР, в чьём ведении все эти сокровища и находились всё послевоенное время. Информация о них в научном мире Европы и СССР отсутствовала. В 1990 году всё это богатство было передано в Восточноберлинский музей пред- и ранней истории (*Ost-Berliner Museum für Ur- und Frühgeschichte, Museumsinsel*), где начались работы по первичной расчистке и консервации находок. Позднее, в 1992 г., они поступили в Музей до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург (Берлин). В 1994 г. в указанное выше берлинское музейное хранение Археологический земельный музей Мекленбург-Форпоммерн передал около 3500 экспонатов РМ (50 картонных листов с прикрепленными в соответствии с составом комплексов находками), происходивших, очевидно, из второго вагона, оправленного некогда из Кёнигсберга (Bitner-Wróblewska A., 2008, s. 59, 60). Ныне во дворце Шарлоттенбург находятся около 50000 экспонатов и 80000 единиц архивного хранения из Музея "PRUSSIA".

С весны 1998 г. некоторые из прусских древностей экспонируются здесь в составе выставки "Железный век Европы" и занимают четыре витрины. 23 ноября 1998 г. они стали объектом осмотра участников международной конференции "Изучение до- и протоистории Центральной и Восточной Европы в 1933-1945 гг.", среди которых находился и автор этих строк.

В 2000 г. в Музее до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург был открыт отдел PRUSSIA-Archiv под руководством Хорста Юнкера, в котором хранится около 50000 листов архивалий (фото, планы памятников, картотека К. Фойгтманна и проч.). Примечателен факт использования в этой структуре, а также при иных работах, связанных с освоением научного наследия Музея "PRUSSIA", специалистов, набранных практически с биржи труда в рамках проекта по обеспечению занятости.

Другая часть музейных фондов и выборные предметы из экспозиции РМ была упакована в 34 ящика и в одной витрине (некоторые украшения эпох бронзы и раннего железа, золотые и серебряные предметы) и до 20 февраля 1945 г. была эвакуирована в форт № 3 близ пос. Quedenau/Северная Гора (форт, получивший имя "Кайзер Фридрих III" в честь

венценосного покровителя прусской археологии в 1894 году, ныне это - северные окрестности совр. г. Калининград). Роль музейных работников и в том числе директора Музея др. В. Герте в проведении этой акции неизвестна. В. Ла Бом получил гарантии от местной комендатуры о полной сохранности данных ящиков с находками. Возможно, предполагалось дальнейшие меры по эвакуации этих музейных собраний, но окружение Кёнигсберга советскими войсками не позволило реализоваться этим планам (Аделунг Ф., 2003, с. 59). Очевидно, часть этих предметов и архивалий, как и находки на Hintertragheim, 31, также была завалена при обвале стены Королевского дворца. Он так и не поступила под своды форта “Кайзер Фридрих III”, и была обнаружена В.Н. Строкиным в 1967 г.

Новое место музейного хранения 24 февраля 1945 г. посетил их ответственный хранитель проф. др. Вольфганг Ла Бом. Составленная им опись эвакуированных экспонатов хранилась в последние дни войны в Кёнигсберге в гараже его дома по адресу Lawskeralee, 47 (?) (ныне – просп. Победы, гараж, к сожалению, полностью перестроен в послевоенное время). Возможно, подлинное место хранения этих документов – Lawskeralee, 41, местоположение Земельного ведомства доистории в конце Второй Мировой войны (адрес указан в письменном отчёте др. В. Ла Бома от 23 марта 1945 г. Именно сюда после разрушения здания на Hintertragheim, 31 было переведено ведомство по доистории (см. с. 27). Написание этого отчёта за 17 дней до падения Кёнигсберга оставляет открытым вопрос: каким образом этот документ из окружённого «города-крепости» мог оказаться в составе документов PRUSSIA-Archiv сначала в замке Брок (?), а затем в Музее до- и протоистории во дворце Шарлотттенбург (Берлин)?

Оказывается, уже в 1969 г. информация об эвакуации экспозиции РМ в форт № 3 была известна в Калининграде сотрудникам «геолого-археологической экспедиции», в 1969-1982 гг. занимавшимися далёкими от научных норм поисками, как им представлялось, культурных ценностей. Правда, несмотря на немалые по тем временам затраты и неисчислимый ущерб объектам, связанным с прошлым земли пруссов, нанесённый этими горе-работниками (чего стоят их далёкие от научной методики «исследования» кладбища на Бальге), никаких существенных находок ими сделано не было. В 1997 г. сотрудник этой «экспедиции» краевед А.П. Овсянов опубликовал следующую информацию: в 1960 г. бывший директор Земельного ведомства доистории (г. Кёнигсберг) др. В. Ла Бом, сообщил в письме проф. Ежи Антоневичу об эвакуации значительной части экспозиции РМ в форт № 3 (Quedenau/Северная Гора) (Овсянов А.П., 2010, с. 64, 55). Согласно данным координационного центра по поискам культурных ценностей при администрации Калининградской области, ветеран войны И.И. Алчаков в 1968 г. передал информацию о том, что в одном из подземелий форта Quedenau в 1946 г. он обнаружил упакованные в

ящики каменные орудия, предметы из кости и бронзы: «Сколько прошли по тоннелю, определить не могу, но он закончился закрытыми дверями. Двери мы сломали, а за ними оказалась комната, размером примерно 3 × 5 метров. Она вся была заставлена ящиками и бронзовыми статуями. <...> В двух открытых ящиках были изделия из кости, как бы музейные предметы, с этикетками, написанными не по-русскому, на полу валялись металлические деньги, тоже не русские. Из этой комнаты были двери в следующую комнату, и там оказались ящики...» (лексика автора сохранена) (Овсянов А.П., 2010, с. 57). Судя по сообщениям жителей послевоенного Калининграда В.А. Иванова и Л.Е. Титова, в казематах упомянутого форта находились "старинные монеты, наконечники копий, камни с этикетками, <...> осколки янтарных изделий, фигурки зверей из серебра и бронзы, керамические чаши и вазы" (Овсянов А.П., 1994, с. 10). С 1971 г. интерес к поискам культурных ценностей у А.П. Овсянова и остальных «геолого-археологов» остыл виду недоступности объекта «Форт № 3». Судьба всех этих предметов, несомненно, имеющих отношение к бывшему музею "PRUSSIA" и, не исключено, к иным музейным собраниям, долгое время оставалась неизвестной. Осязаемым "свидетельством" обнаружения "черными копателями" древностей музея "Пруссия" стал факт передачи в ноябре 1999 г. в отдел истории края областного историко-художественного музея Максимом Пестриковым, работником одного из антикварных магазинов Калининграда, около 3 тысяч бронзовых украшений I тысячел. н.э. (Валуев А.А., Скворцов К.Н., Кулаков В.И., 2000, с. 101), купленных у "неизвестных лиц". Путём сложных поисков выяснилось то, что эти украшения были найдены копателями именно в казематах форта № 3. За многие десятилетия его обитатели, недоступные для внешнего мира, многократно опустошали музейные ящики, складированные здесь в январе 1945 г. и перемещали его содержимое по полам разных помещений форта. В конечном итоге обломки ящиков были ими сожжены в отопительных целях, а археологические находки, которые посчитали мусором, были выброшены за пределы помещений форта и в итоге оказались (частично в повреждённом виде) на поверхности рва, окружавшего форт. Там в 1999 и 2000 гг. они были найдены группой сотрудников КОИХМ во главе с А.А. Валуевым, у которых информация, опубликованная об этих находках А.П. Овсяновым, отсутствовала (Валуев А.А., 2008, с. 104). Параллельно часть находок из форта № 3 оказались в Германии и через г. Дуйсбург попали в Археологический земельный музей Готторф (Шлезвиг) (Валуев А.А., 2008, с. 105). А. Битнер-Врублевска, не зная подробностей истории их обнаружения, пишет о том, что «для их извлечения пришлось организовать профессиональные раскопки, тщательно просеивая слои земли и мусора» (Bitner-Wróblewska A., 2008, s. 61). Мусор, отложившийся за послевоенное время на полах казематах и во рву форта,

действительно пришлось просеивать, что позволило спасти тысячи фрагментов экспонатов, но археологическими раскопками эти лишённые должного финансирования работы, часто основанные лишь на энтузиазме музейных сотрудников, назвать нельзя. А.А. Валуев свои работы справедливо назвал «поисковыми» (Валуев А.А., 2008, с. 105). Открытый лист на проведение археологических исследований в форте № 3 затребован А.А. Валуевым не был, Полевой отчёт об этих работах в архив Института археологии РАН не поступил. Более того, представитель “Zeit-Stiftung” своеобразно характеризовал группу музейных сотрудников, занятых поисковой деятельностью на форте № 3: «Любители-археологи городского музея были вынуждены учиться на ходу, заимствуя опыт друг у друга» (Адлунг Ф., 2003, с. 60) (?!). Всего музейными сотрудниками было спасено и впоследствии при финансовой поддержке фонда “Zeit-Stiftung” (Германия) консервировано около 30000 целых и фрагментированных экспонатов РМ (Кулаков В.И., 2000, с. 216). Консервационно-реставрационные работы производились как в реставрационной лаборатории, организованной на средстве фонда “Zeit-Stiftung” при областном историко-художественном музее, так и в частной квартире музейного реставратора К.Н. Скворцова (**рис. 39**). Примечательно, что в 1998 г. форт № 3, уже свободный от «закрытости» и от своих прежних постояльцев, посетили А.П. Овсянов со своими коллегами. Не будучи археологами-профессионалами, они не смогли найти здесь остатков экспозиции РМ (Овсянов А.П., 2010, с. 64).

Находки из Музея “PRUSSIA” в экспозиции Домского собора

Оказывается, “калининградская часть” коллекции музея “PRUSSIA” нам известна еще не до конца. В сентябре 1998 г. В.Н. Строкин из своей частной коллекции, составленной из находок в руинах Королевского замка, сдал при посредничестве Русско-немецкого дома несколько экспонатов бывшего музея “Пруссия” (**рис. 40**) в экспозицию, развернутую И.А. Одинцовым в отремонтированном Домском (ошибочно именуемый нашими современниками «Кафедральном») соборе, расположенном на о. Кнайпхоф (ошибочно – «остров Канта»). Данные артефакты могут происходить лишь из экспозиции музея “PRUSSIA” (залы №№3-5). Залы музея не были лишены экспозиции до трагического для Кенигсберга августа 1944 г. Неудавшаяся эвакуация экспозиции, прерванная из-за обвала замковых стен и/или сводов в сентябре 1944 г. (следы этой трагедии найдены В.Н. Строкиным в 1967-1969 гг.), была продолжена в январе 1945 г., что подтверждается упоминавшимся выше письмом В. Ла Бома. Показательно, что о многих артефактах, обнаруженных в 1967-1969 гг. и в 1999 г., были опубликованы материалы в археологической литературе конца XIX - начала XX вв. (Кулаков В.И., 2000, с. 206-217).

Быть может, когда-либо удастся провести полные раскопки руин музея "PRUSSIA", что поможет окончательно выяснить события последних дней существования одного из крупнейших музейных хранилищ Балтии. Пока же его руины скрыты многометровыми напластованиями послевоенного времени, а на месте юго-западной замковой башни, в которой некогда располагались рабочие кабинеты археологов К. Энгеля и Г. Кроме, осенью 1999 г. была поставлена ритуальная иудейская менора (Кулаков В.И., 2008, рис. 148).

Роль находок из музея "PRUSSIA" в современном научном процессе

Уже в первой половине 90-х годов XX в. параллельно консервации и реставрации находок и архивалий из РМ, оказавшихся в фондах Музея до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург стали предприниматься попытки ввести в современный научный оборот эти считавшиеся потерянными навсегда научные материалы. Какая-либо научная кооперация широкого плана в этой работе изначально не предполагалась. Лишь ныне в печати печатаются «заклинания» о существовании такой кооперации: «Следует отметить, что, невзирая на полемику по поводу трофейных произведений искусства, идёт оживлённый обмен (чем? – В.К.) между польскими, российскими и немецкими учёными» (Адлунг Ф., 2003, с. 61). Изначально благодаря трудно объяснимой позиции директора Музея до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург, консервацией и первичной систематизацией находок из РМ занимались молодые немецкие специалисты, по своему опыту и научным интересам никак не связанные с древностями исторической Пруссии. Первой попыткой проанализировать материалы прусской археологической школы, находившиеся, в частности, в фондах Музея "PRUSSIA" и отражённые в массе старых научных публикаций, стала изданная в 1996 г. монография В. Новаковского (Nowakowski W., 1996). Эта работа была переработанной докторской диссертацией, подготовленной в процессе двухлетней (1990, 1991 гг.) работы, предпринятой В. Новаковским во многих научных центрах Германии и Дании при финансовой поддержке Фонда им. Александра Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung zu Berlin). Архивные материалы представлены в книге по рукописям Мартина Яна, перевезённым из захваченного Красной армией Breslau/Wrocław другом М. Яна Е. Антоневицем в Варшавский университет. Книга, посвящённая древностям римского времени на Самбии, ни разу до этого В. Новаковским не посещённой, страдает массой неточностей и прямых искажений. Так, автор ошибся в наименовании описываемых им древностей ("Dollkeim-Kovrovo-Kultur"), неверно интерпретировал связь грунтовых погребений эстиев с более ранними курганами Самбии, обошёл своим вниманием конские захоронения римского времени на Янтарном

берегу, не принял во внимание раскопки древностей римского времени, проведённые к 1991 г. в Калининградской обл. и проч. Критике этой весьма неудачной работы много места уделено в одной из моих монографий (Кулаков В.И., 2003).

В 1992 г. я предложил свою помощь в разборке и идентификации хранящихся в Берлине находок из РМ тогдашнему директору Музея до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург Проф. др. В. Менгину (**рис. 41**). Немецкий коллега сообщил мне о своём принципиальном согласии на это сотрудничество, которое отложил до момента полной консервации этих находок, только что поступивших на хранение во вверенный ему музей. К сожалению, при этом проф. др. В. Менгин забыл мне сообщить о том, что находки II-VIII вв., происходившие из грунтовых могильников на территории Мазурского Поозерья, уже обработаны (кстати, к тому времени также консервированы и отреставрированы) в 1990 и 1991 гг.) В. Новаковским.

Итоги своей двухлетней работы частично были подведены во второй монографии В. Новаковского, посвящённой очеркам материальной культуры (точнее – отдельным артефактам, происходящим из фондов РМ и обнаруженных автором монографии среди остатков фондов РМ в Берлине и других городах Германии и Польши) западнобалтской исторической области *Galindia* – центр Мазурского Поозерья. Автора монографии с этим микрорегионом связывают раскопки в течение нескольких сезонов археологического комплекса *Wyszembork* – единственные раскопки западнобалтских памятников археологии, проведённые за свою жизнь В. Новаковским. Стилль его работы над экспонатами Музея “PRUSSIA” выработался уже тогда, в начале 90-х годов: подробное, хотя и несистематизированное описание находок, их интерпретация (как правило, при помощи польской археологической литературы без учёта мнения археологов других стран) и слабо обоснованные, но далеко идущие этно-исторические выводы (Nowakowski W., 1995, s. 36-73).

Упомянутый выше варшавский коллега в 1998 г. издал на базе Музея до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург при прямой поддержке проф. др. В. Менгина каталог этих находок (Nowakowski W., 1998). К сожалению, эта третья (и последняя) монография В. Новаковского, включающая данные музея “PRUSSIA”, традиционно для этого польского археолога характерна поверхностным освещением фактического материала, отсутствием внимания к погребальному обряду, к феноменам поселенческой археологии, отсутствием доказательной базы в хронологических выкладках и далёким от реальности видением достижений русской археологической школы в Калининградской области. Даже неплохие по качеству фотографии находок из РМ (заслуга исключительно фотографа Claudia Plamp) автор монографии смог опубликовать лишёнными метрического

масштаба. Уже в этой своей работе В. Новаковский показал не только плюсы (репрезентативность обработанного современными реставраторами и фотографиями материала старых раскопок), но и минусы (см. выше) своей методики исследования находок из РМ.

Став по итогам этих работ директором Археологического института Варшавского университета и пользуясь серьёзной поддержкой, оказываемой проф. др. В. Менгина к варшавским учёным, В. Новаковский сделал работу с фондами и архивалиями Музея “PRUSSIA” монополией исключительно своих студентов и ряда более старших коллег из Варшавы. Среди последних выделяется сотрудница Археологического музея “Arsenal” (Варшава) др. А. Битнер-Врублевская, в отличие от интересующегося лишь древностями римского времени В. Новаковского, ведущую свою работу со старыми прусскими коллекциями в рамках сбора и изучения артефактов эпохи Великого переселения народов. Вся работа польских археологов, студентов и аспирантов с фондами и архивалиями РМ строилась в 1990-2010 гг. строго в пределах норм, некогда выработанных В. Новаковским (см. выше). Эти нормы основаны на неприятии результатов современных археологических исследований для сравнения с материалами РМ по простой причине: получая данные новейших раскопок на территории Калининградской области, польским археологам пришлось бы делиться информацией об остатках материалов музея “PRUSSIA” и, таким образом, распрощаться со своей монополией на работу с артефактами РМ, ибо информацией в научном мире принято обмениваться. На это ни В. Новаковский, ни его ученики пойти не могли. В этом скрыта основа ошибочности польской методики работы со старыми коллекциями прусских артефактов. Эта ошибочность привела к тому, что, несмотря на масштабное научное «вторжение» польских коллег в старые прусские музейные фонды, ни одной обобщающей по данной тематике монографии за указанный период в свет в Варшаве не вышло. Исключением выглядит книга А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wroblewska A., 2001), посвящённая локальной проблеме прусско-скандинавских контактов V-VI вв., неверно понятых и скудно интерпретированных автором этой книги.

21 июня 2001 г. в Берлине была образована Комиссия по исследованию собраний археологических находок и архивалий из северо-восточной Европы (Komission zur Erforschung von Sammlungen archäologischer Funde und Unterlagen aus dem nordöstlichen Mitteleuropa (KAFU)). Инициатива создания этой международной организации была выдвинута в 1997 г. немецкими и польскими (в первую очередь – В. Новаковским) учёными. В состав Комиссии на 30 мая 2002 г. входили 8 немецких, 5 польских и 1 литовский археологи, со стороны России в члены Комиссии был избран А.А. Валуев, тогда – начальник сектора археологии отдела истории края Калининградского областного

историко-художественного музея (Menghin W., Gringmuth-Dahlem E., 2003, S. 239). Начав в 2004 г. переписку с руководством KAFU о своём вступлении в данную Комиссию, я был принят в её состав лишь в 2007 г. на заседании в г. Гёрлитц (Görlitz). К этому времени А.А. Валуев уже выбыл из состава KAFU, так что я остался в составе Комиссии единственным представителем России.

К этому времени материалы, связанные с прусской археологией и, в частности, с фондами РМ, были открыты в Земельном археологическом музее во дворце Готторф (Шлезвиг), где к работе с ними были допущены польские и в меньшей степени литовские археологи, студенты и аспиранты.

Тем временем Калининградский областной историко-художественный музей также дал возможность работать археологам с материалами РМ, правда, из любых стран без ограничений. Результатами таких работ стали несколько интересных научных статей (Санников П.В., Валуев А.А., 2002. с. 486-593; Heske I., 2008, S. 312-319, Кулаков В.И., 2010, с. 281-287).

Однако по сей день наиболее обширным и подготовленным для обработки остаётся собрание артефактов из музея "PRUSSIA", хранящееся в Музе до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург (Берлин). На 2011 г. остаются необработанными экспонаты эпохи викингов и предорденского времени, хранящиеся в этом собрании. Весной 2011 г., уже под руководством нового директора этого Музея – Господина Проф. Др. Матиаса Вемхоффа, должен был начаться процесс консервации и разборки этих артефактов. Какими путями пойдёт эта работа, покажет время.

Литература

Адлунг Ф., 2003. В поисках собственных корней. Международное сотрудничество с сфер культуры. Будущее Калининграда. От конфликтов к сотрудничеству, М.

Битнер-Врублевска, ред, 2008. Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия», Ольштын.

Валуев А.А., 1993. Музей "Пруссия" в прошлом и настоящем // Кёнигсбергский курьер. № 13 (50), июльский выпуск.

Валуев А.А., 2005. История калининградской части коллекции Музея «Пруссия» // // Коллекция Пруссия в фондах Калининградского областного историко-художественного музея, Шлезвиг.

Валуев А.И., 2008. История обнаружения инвентарных книг и части коллекции музея «Пруссия» в г. Калининграде // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Валуев А.А., Скворцов К.Н., Кулаков В.И., 2000. Сокровищ, возникшие из пепла // Наука в России, 4, с. 98-102.

Гаузе Фр., 1994. Кенигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен.

Ибсен Т., 2005. 100-летняя деятельность по собиранию коллекции – Собрание «Пруссия» с момента основания до Второй Мировой войны // Коллекция Пруссия в фондах Калининградского областного историко-художественного музея, Шлезвиг.

Коваль С.А., Покладова В.П. и др., 1996. Калининградский областной историко-художественный музей. Калининград.

Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI—XIII вв. // АСИ. Вып. П-9.

Кулаков В.И., 1990б. Хронология пруссов VI—XIII вв. (по материалам могильника Суворово) // Istorija. T. 31. Vilnius.

Кулаков В.И., 1990в. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa.

Кулаков В.И., 2000. История обнаружения части коллекций Музея “Пруссия” // Российская археология, № 4.

Кулаков В.И., 2008. История Замка Кёнигсберг, Калининград.

Кулаков В.И., 2010. Римские импорты, найденные в земле эстиев и хранящиеся в фондах музеев России // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки, вып. 1. М., с. 281-287.

Овсянов А.П. 1994. Утраченные культурные ценности Кенигсберга (Судьбы, проблемы, поиски и находки). Рукопись доклада, прочитанного в Ost-Akademie (Lüneburg).

Овсянов А.П. 1998. В руинах старого замка. Калининград.

Овсянов А.П., 2010. У них есть родина. Судьбы перемещённых культурных ценностей, Москва.

Орлов А., Стороженко Е., 1991. О чем молчат подвалы Блютгерихта. Калининград.

Пржездомский А.С. 1997. Янтарный призрак. Калининград.

Санников П.В., Валуев А.А., 2002. Сложносоставные римские фибулы из Музея «Пруссия» // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. XII, М.-Магнитогорск.

Сухова С., 1993. Снова над замком тучи // "Калининградская правда" от 13 июля.

Albinus U., 1973. Die alte und die neue „Prussia-Gesellschaft“ // Königsberger Bürgerbrief, Nr. X.

Albinus U., 1988. An altpreußische Tradition angeknüpft // Das Ostpreußenblatt. Fol. 2.

Anonim, 1783. Beschreibung verschiedener Seltenheiten der Natur, der Kunst und des alterthums, welche in dem Cabinette des Commerzienratth Saturgus zu Königsberg in Preußen, einige Aufmerksamkeit und Betrachtung verdienen..., Bd. 2, Königsberg.

Anonim, 1931. Kurze Nachrichten // Museumskunde. Neue Folge. Bd. 3. H. 3. Berlin; Leipzig.

Bitner-Wróblewska A., 1999. Archiwum Feliksa Jakobsona w Rydze - neoczekiwana szansa dla archeologii bałtyjskiej // Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. Olsztyn.

Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period, Warszawa.

Bitner-Wróblewska A., 2008. Śladami kolekcji Prussia-Museum (1943-2008) // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Bitner-Wróblewska A., Nowakiewicz T., Rzeszostarska-Nowakiewicz A., Wróblewski W., 2008. Treść i znaczenie odzyskanych ksiąg inwentarzowych Prussia-Museum // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Brilla G., Brilla R., 1997. Schtreiflichter aus der Geschichte der alten und der neue PRUSSIA // 150 Jahre Prussia. Duisburg.

Boetticher A., 1897. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg. Königsberg.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg.

Gaerte W., 1935. Kurzer Führer durch das Prussia-Museum. Königsberg.

Gaerte W., 1937. Die Studiensammlungen des Prussia-Museums in neuer Unterkunft // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, H. 13.

Heske I., 2008. Die bronze- und früheisenzeitlichen Funde der ehemaligen Prussia-Sammlung – zur Bestandtserfassung und wissenschaftlichen Auswertung // Archäologischen Nachrichtenblatt, Bd. 13, Lief. 4.

Hoffmann M.J., 1991. Otto Tischler. W stulecie śmierci // Borussia, z. 1, Olsztyn.

Hoffmann M.J., 1993. Adalbert Bezzenberger – archeolog, językoznawca, historyk i etnograf // Borussia, z. 1.

Hoffmann M.J., 1993. Johannes Wilhelm Heydeck – prehistoryk i artysta malarz // Borussia, z. 6.

Hoffmann M.J., 2004/2005. Emil Hollack – nauczyciel, historyk i badacz pradziejów ziemi mrągowskiej. W 80. rocznicę śmierci // Mrągowskie Studia Humanistyczne, t. 6-7, Mrągowo.

Jansch K., 1987. Das Prussia-Museum in Königsberg (Pr) // Unser schönes Samland, 95-96. Folgen, Herbst-Winter 1987. № III, IV.

Kaczyński M., Bitner-Wróblewska A., Brzeziński W., Iwanowska G., 1987. Katalog // Die Balten. Die nördlichen Nachbarn der Slawen. Freiburg, Braunschweig.

Katalog des Prussia-Museums im Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg i. Pr., Königsberg, 1893. T. I

Katalog des Prussia-Museums im Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg i. Pr., Königsberg, 1897. T. II

Katalog des Prussia-Museums im Nordflügel des Königlichen Schlosses zu Königsberg i. Pr., Königsberg, 1898. T. III.

Kleemann O., 1937. Die Wikinger Ausstellung des Prussia-Museums // Germanen-Erbe. 2. Jahrgang.

Kleemann O.(?), 1956. Wolfgang La Baume. Curriculum vitae // Documenta archaeologica Wolfgang La Baume dedicata, Bonn.

Königsberger Bürgerbrief, 1995. № 45. Leer.

La Baume W., 1927. Bildsteine des frühen Mittelalters aus Ost- und Westpreußen // Blätter für deutsche Vorgeschichte. H. 5. Danzig.

La Baume W., 2009. Bericht über die Sammlungen des Landesamtes für Vorgeschichte (ehemals Prussia-Museum). Anhang an: Kulakov W., Die Geschichte der Wiederentdeckung von Sammlungsteilen des Prusia-Museums in Königsberg // Jakobson F., Die Brandgräber von Daumen und Kellaren im Kreise allenstein, Ostpr., Bd. 1, Neumünster.

Lahrs Er., 1956. Das Königsberger Schloss. Stuttgart.

Loos W., 1999. Zur Einführung // Sammlung PRUSSIA. Archiv und Bibliothek, Duisburg.

Menghin W., 1993. Ein Wikingerschwert aus Samland // Berliner Fund des Monats. Berlin.

Menghin W., Gringmuth-Dahlem E., 2003. Bericht über die Arbeit der Komision zur Erforschung von Sammlungen archäologischer Funde und Unterlagen aus dem nordöstlichen Mitteleuropa (KAFU) vom 1.7.2001 bis 30.6.2002 // Acta Praehistorica et Archaeologica, Bd.35, Berlin.

Nowakiewich T., 2008. Zarys dziejow archeologii w Prusach Wschodnich // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Nowakowski W., 1996. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego // Barbaricum, t. 4, Warszawa.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa.

Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Berlin.

Nowakowski W., 2004. Three centuries of Balt archaeology in East Prussia // Archaeologia Polona, vol. 42.

Reich Chr., 2008. Die Prussia-Sammlung im Museum für Vor- und Frühgeschichte // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Rzeszosrtarska-Nowakiewicz A., 2008. Prussia-Museum w Krolewcu // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum, Olsztyn.

Архивные материалы:

Архив ИА РАН, Р.1, Кулаков В.И., Отчет о раскопках, проведенных Балтийской экспедиции в 2001 г. на центральной площади г. Калининграда, № 22229.

Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 2003. Отчёт о раскопках, проведённых Балтийской экспедицией ИА РАН в 2003 г. на Центральной площади г. Калининграда, № 26918.

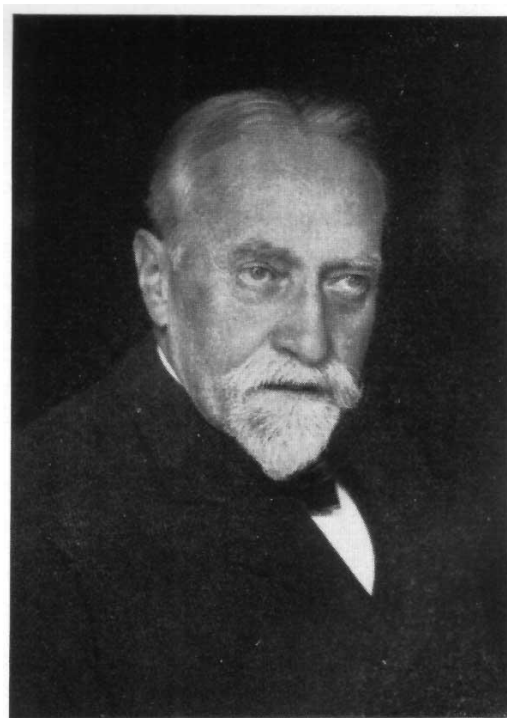
Архив ИА РАН, Кулаков В.И., Отчёт о раскопках, проведённых Балтийской экспедицией ИА РАН в 2004 г. на Центральной площади г. Калининграда (руины Королевского Замка, Раскоп XI), № 24471.

Рис. 1. Эрнст Август Хаген.

Рис. 2. Отто Тишлер.

Gustaf Kossinna
1858 bis 1931

Рис. 3. Густав Коссинна.

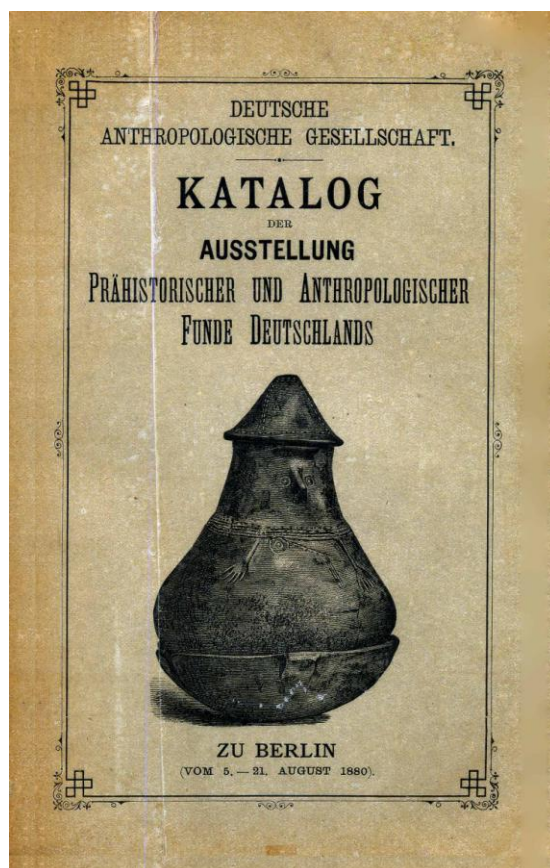

Рис. 4. Обложка каталога выставки, посвящённой Антропологическому конгрессу 1880 г. в Берлине.

Рис. 5. Кронпринц Фридрих Вильгельм.

Рис. 6. Логотип Общества по изучению древностей "PRUSSIA".

Рис. 7. Остатки сгоревшей книги из библиотеки Замка Кёнигсберг (раскопки 2007 г.).

Рис. 8. Южный флигель Замка Кёнигсберг, с 1923 г. занятый залами Музея “PRUSSIA” (гравюра й. Хейдека) и план башни Грубена (по Фр. Ларсу).

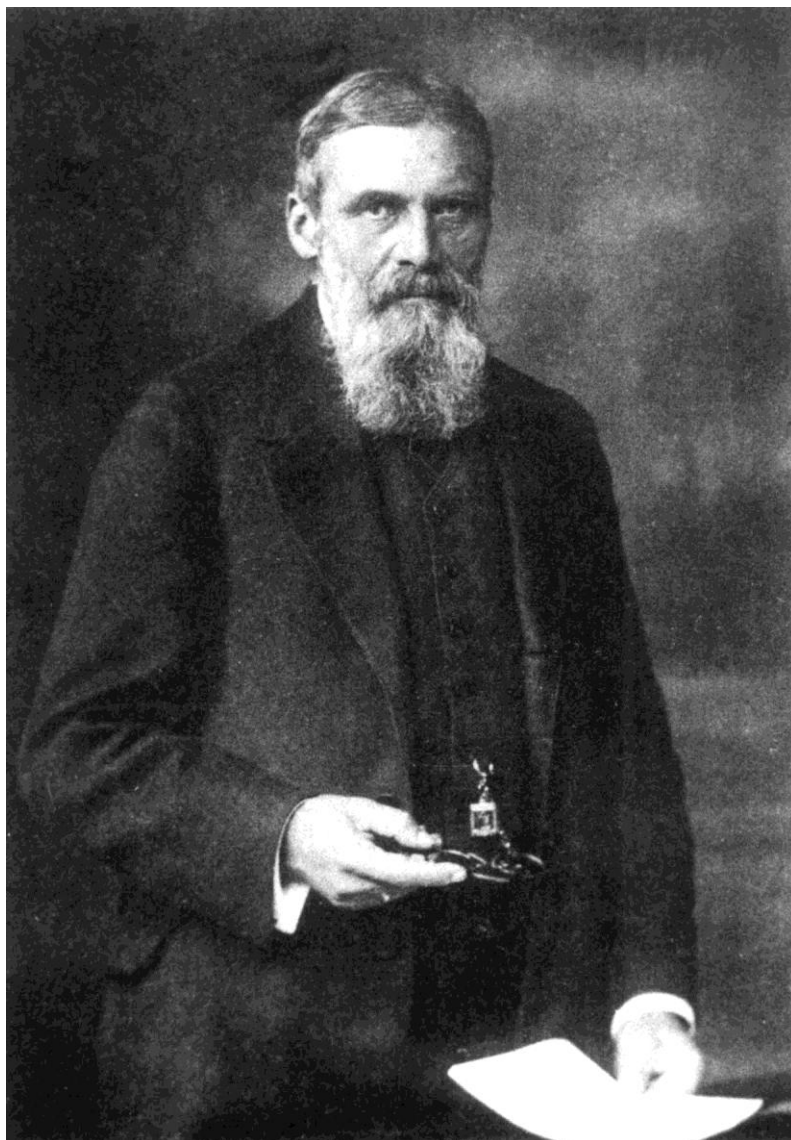

Рис. 9. Адальберт Бецценбергер.

Рис. 10. Двор Замка Кёнигсберг и его Южный флигель (слева).

Рис. 11. «Зал Московитов» на 4 этаже Западного флигеля Замка Кёнигсберг.

Рис. 12. Фреска в берлинском Цейхгаузе, изображающая поездку на санях по льду Куршского залива Великого курфюрста.

Рис. 13. Вильгельм Герте.

Рис. 14. Вольфганг Ла Бом.

Kurzer Führer durch das Preussia-Museum

Herausgegeben von der Leitung: Direktor Dr. W. Gaerte

Königsberg Pr. 1935

Рис. 15. Обложка «Краткого путеводителя...» 1935 г.

*Moorleiche aus Dröbnitz, Krs. Osterode
nebst Schulterumhang aus Schaffellen*

Рис. 16. Останки девочки из Dröbnitz/Drwenz и одежда, в которую она была одета, в экспозиции Музея "PRUSSIA".

Рис. 17. Плакетка (бисквит), посвящённая съезду Художественного союза Пруссии 1937 г. (раскопки 2007 г.).

Рис. 18. Фрагмент расписного сосуда XIX в. (раскопки 2007 г.).

Рис. 19. Головка фарфоровой скульптуры XIX в. (раскопки 2007 г.).

Рис. 20. Ганс Кроне.

Рис. 21. Каменное изваяние Mankesteen из Jelittken//Jelitki.

Рис. 22. Серебряная монета кайзера Фридриха III, 1888 г. (раскопки 2003 г.).

Рис. 23. Навершие шапки гвардейца эпохи Фридриха II Великого (раскопки 2003 г.).

Рис. 24. Накладка со шлема гвардейца кон. XIX в. (раскопки 2003 г.).

Рис. 25. Гарда офицерской шпаги кон. XIX в. (раскопки 2003 г.).

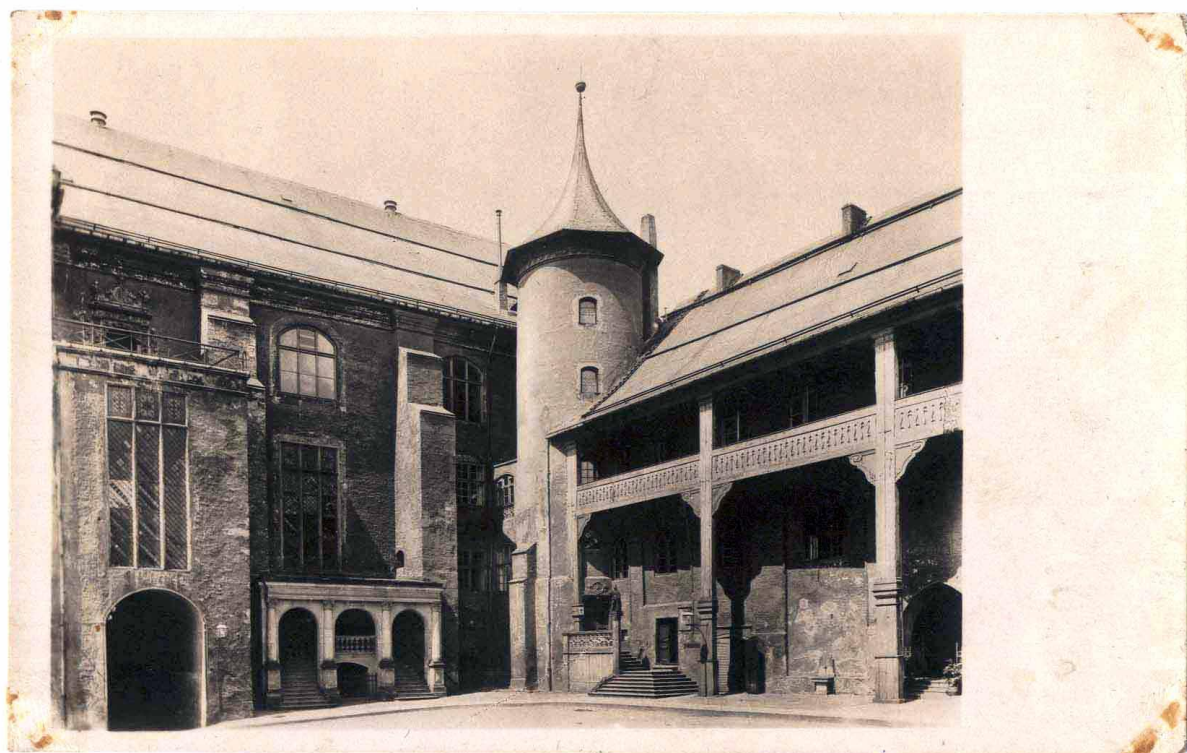

Рис. 26. Вход в Музей "PRUSSIA" в северной части восточного фасада Западного флигеля Замка Кёнигсберг.

Рис. 27. Вход в Музей "PRUSSIA" после бомбардировки 29-30 августа 1944 г. (фотоателье Краускопф).

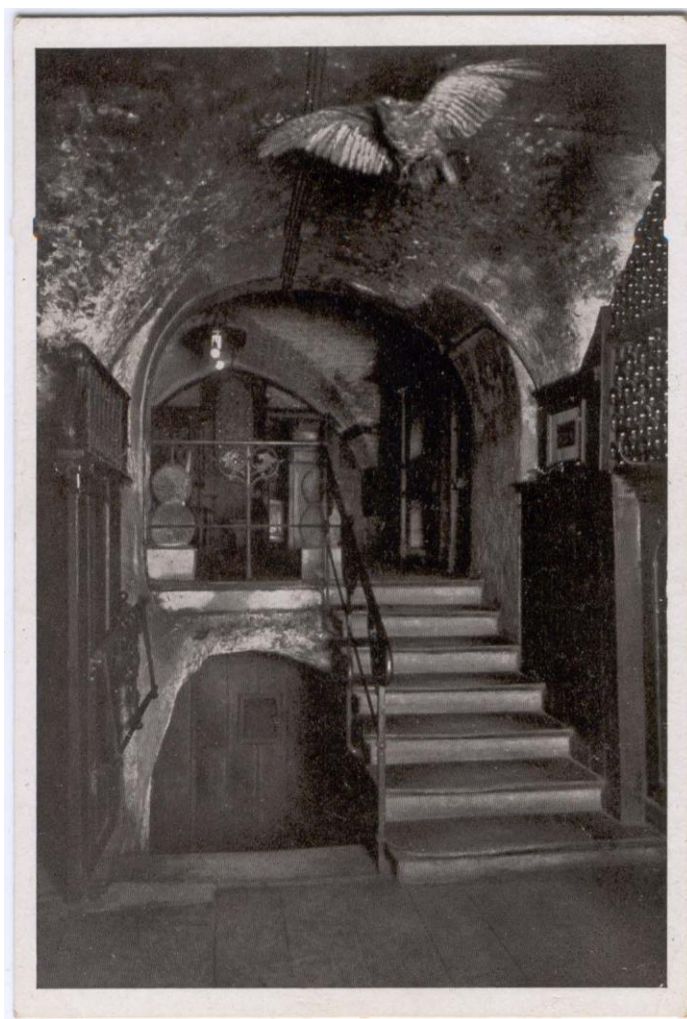

Рис. 28. Вход в подвальный винный ресторан «Блютгерихт». Выше его расположены двери, ведущие к экспозиции погребальных урн.

Рис. 29. Фрагмент мраморной статуи Венеры (?) (раскопки 2007 г.).

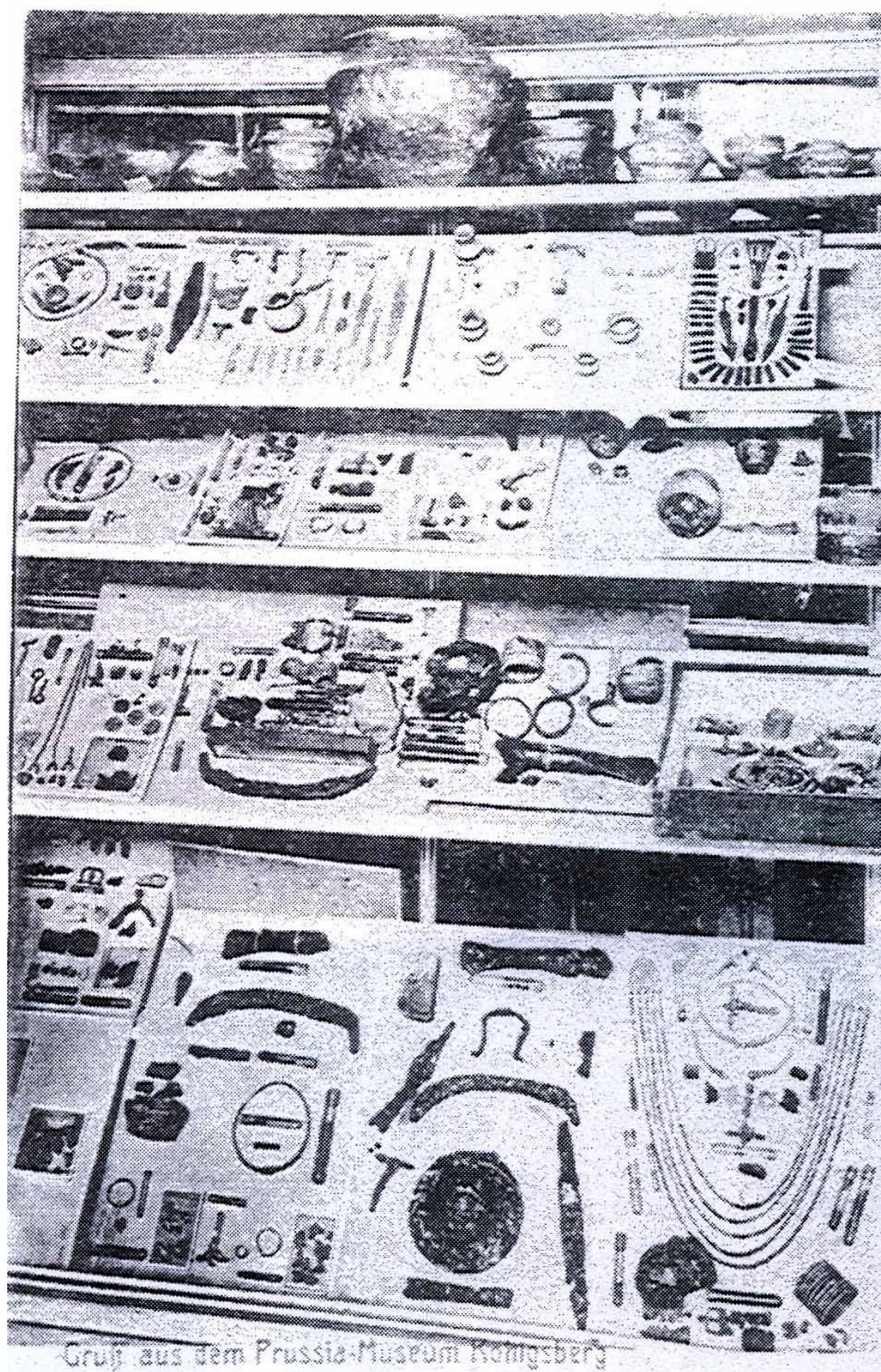

Рис. 30. Часть фондов Музея "PRYSSIA".

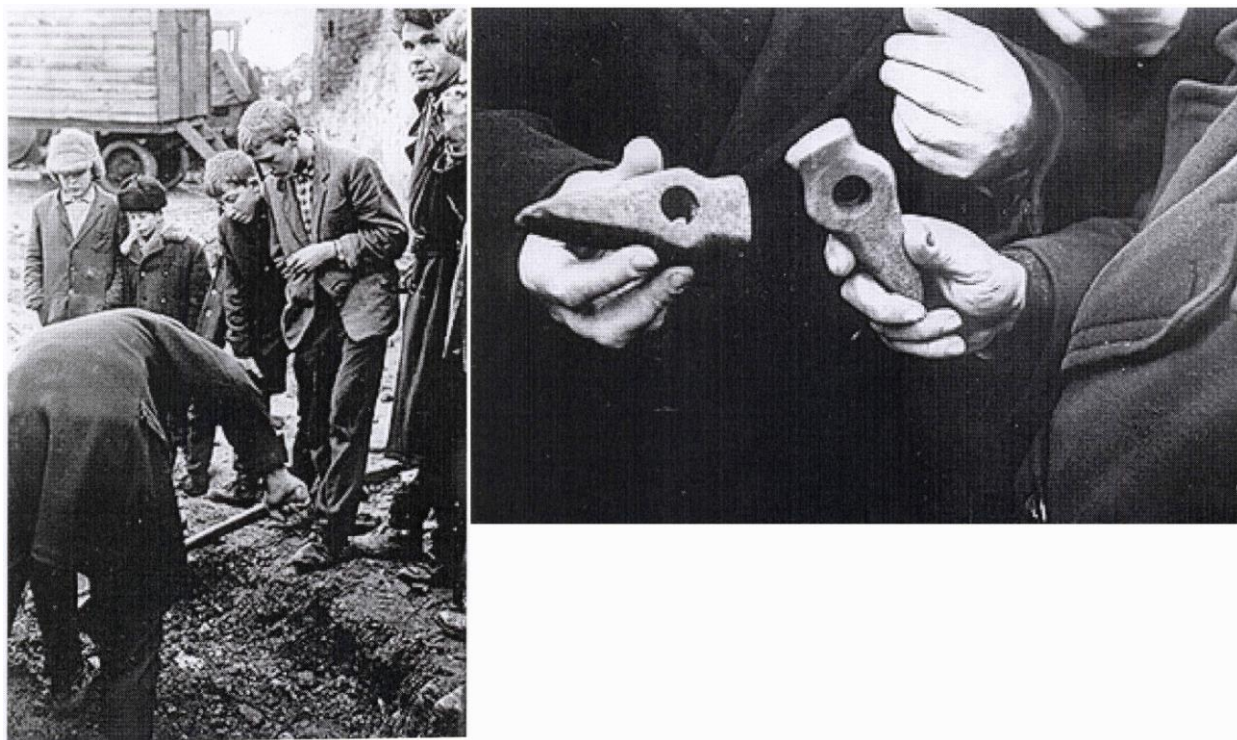

Рис. 31. Каменные топоры из экспозиции Музея "PRUSSIA", обнаруженные «геолого-археологической экспедицией» в руинах Замка в 1969-1970 гг.

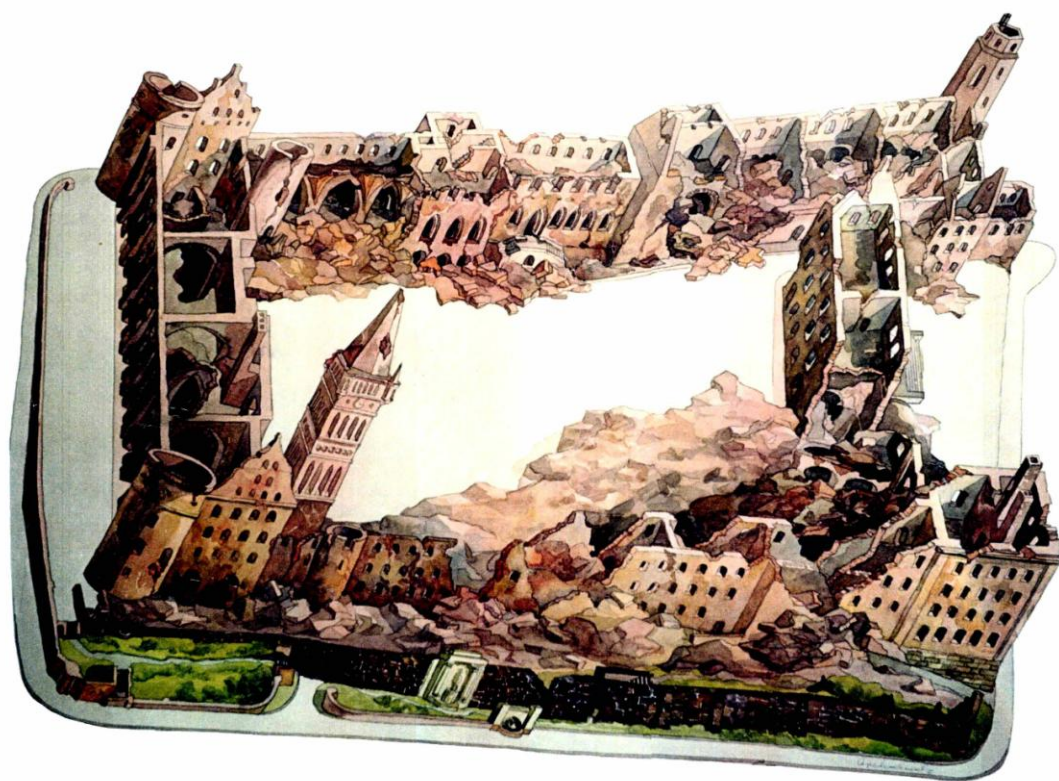

Рис. 32. Аксонометрическое изображение руин Замка Кёнигсберг в состоянии до 1968 г. Акварель А.В. Максимова.

Рис. 33. Серебряная золочёная фибула из погр. 37 грунтового могильника Daumen/Tumiany.

Рис. 34. Штефан Ауст (второй слева) и другие члены главной редакции журнала “Der Spiegel” на раскопках Замка Кёнигсберг в 2003 г.

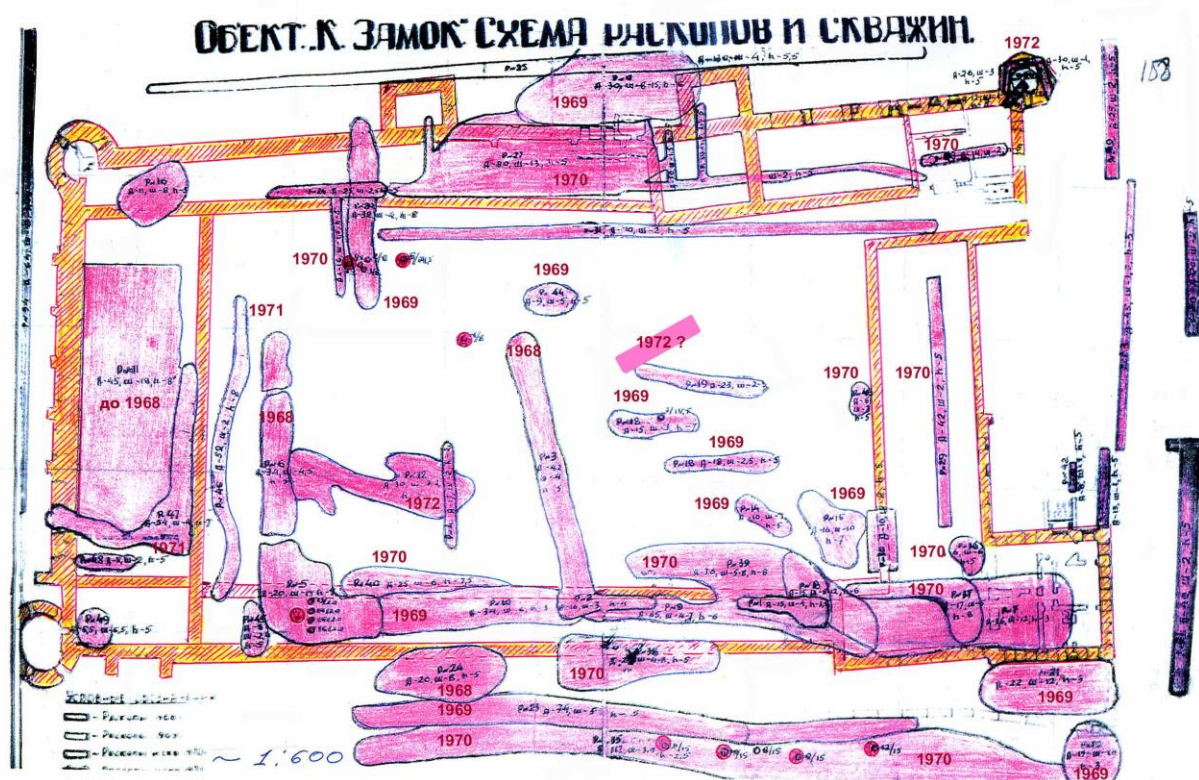

Рис. 35. План «раскопов» «газ» на территории Зама Кёнигсберг.

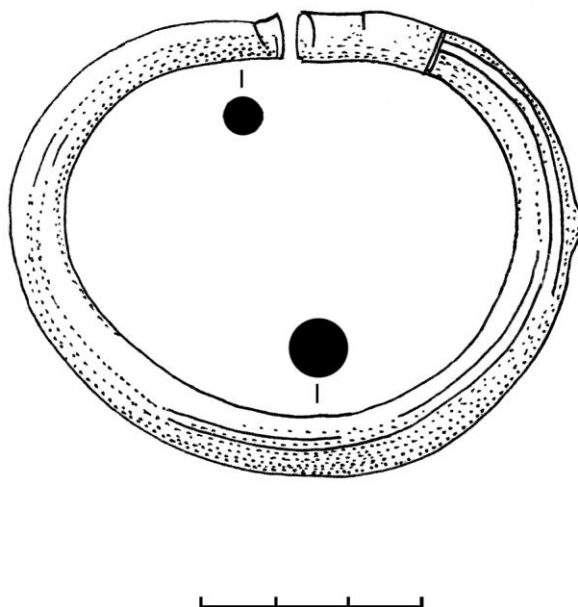

Рис. 36. Бронзовый браслет из Раскопа V на месте зала «4 Музея «Пруссия».

Рис. 37. Бронзовая плакетка с профильным портретом А. Бенценбергера (раскопки 2003 г.).

Рис. 38. Фрагмент чугунного изображения арматуры (трофея) из подвала Западного флигеля Замка Кёнигсберг (раскопки 2003 г.).

Рис. 39. Скворцов К.Н. реставрирует на своей кухне экспонаты из экспозиции Музея “PRUSSIA”, найденные в форте № 3 (www.baltische-rundschau.eu), 10 апреля 2009 г. (фото Т. Плат).

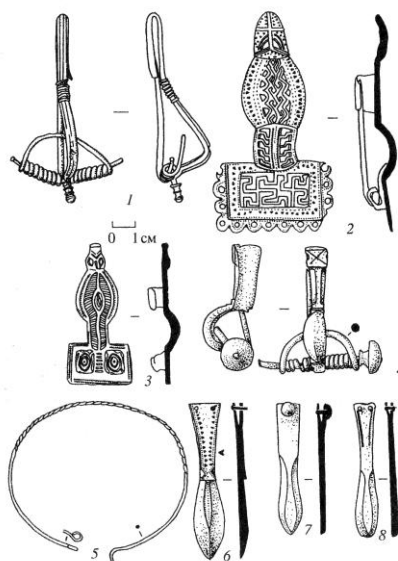

Рис.40. Экспонаты из коллекции бывшего музея “Пруссия”, поступившие в 1998 г. от В.Н. Строкина в музей Кафедрального собора (“остров Канта”, г. Калининград): 1 – бронзовая фибула, со следами железной окалины (горела рядом с железным предметом); 2 – бронзовая фибула из погр. 323 могильника Косево (Alt-Kossewen, ныне – Kosewo, woj. Warmińsko-Mazurskie, Polen), инвентарный номер хранения музея “Пруссия” РМ Inv. VII. 76. 9284; 3 – бронзовая фибула с железным стержнем пружины, одна из двух застежек из погр. 580 могильника Косево; 4 – бронзовая фибула, 5 – votivная гривна (браслет?); 6–8 – бронзовые наконечники ремней (места находки артефактов № 4–8 неизвестны)

Рис. 41. Проф. др. Вильфрид Менгин.